

**Алексей Калинин
Василий Высоцкий**

**СЛУЖБУ
СОВЕТСКОМУ
СОЮЗУ 3**

18+

Алексей Калинин

Служу Советскому Союзу 3

«Автор»

2024

Калинин А.

Служу Советскому Союзу 3 / А. Калинин — «Автор», 2024

Я продолжаю свой путь в прошлом. Меня окружают другие люди, другое время, другие характеры. Однако остается прежним только одно – желание одних людей главенствовать над другими. И, чтобы достичь своих целей, эти сволочи способны на многое. А я способен на ещё большее, чтобы не допустить больших разрушений и катастроф!

© Калинин А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Калинин, Василий Высоцкий

Служу Советскому Союзу 3

Глава 1

– Приготовьтесь к выполнению гимнастических упражнений! – задорным голосом сообщила коробочка радио на стене. – Выпрямитесь, голову повыше, плечи слегка назад!

Я легко спрыгнул с подоконника, но выпрямляться и тем более отводить плечи назад не собирался. Наоборот, чуть сгорбился и застыл, прислушиваясь к происходящему в незнакомой квартире, а заодно осматривая небольшое помещение, в которое проник.

Пожелтевшая плитка над газовой плитой, на самой плите пережившая не одно падение на пол кастрюля с торчавшей изнутри ручкой поварешки. Слегка облупленный короб под умывальником. Пыльная люстра в виде перевернутого горшка под прокуренным потолком. Засохшие полевые цветы в высокой вазе на изрезанной клеенке стола. Два стула. Посудная утварь. Небогато, но привычно, так жили многие в СССР, кому выпала участь существовать в хрущевках.

Вот только не всем выпадает участь стать известным маньяком, чье имя потом станет знакомо всей России...

– Вдохните! На месте шагом марш! Раз, два, три, четыре! – продолжил вещать диктор Николай Гордеев.

К его задорному голосу прибавились звуки фортепиано. Они веселыми звуками наполнили кухню.

Мда, мне это было не совсем в тему, но выключать или приглушать звуки радио я не стал – «клиент» может проснуться. Это только кажется, что человек крепко спит, но любое постороннее вмешательство в привычные звуки заставят очнуться.

Я двинулся дальше. Коридор с выгоревшими обоями, где на одной двери был нарисован стульчак, а на другой лейка душа, привел меня в прихожую. Стандартные ботинки, войлочные тапочки, старый коврик на полу. Детские сандалики, а также резиновый мяч с полосой по центру показывал, что у «клиента» был ребенок.

Что же, и у гиен бывают дети...

Дальше меня ожидала комната, в которой на сложенном диване спал учитель русского языка и литературы Андрей Романович Чикатило. Красноватый ковер на стене, люстра со стеклянными висюльками, старый телевизор в углу комнаты и неизменный сервант, в зеркале которого я отразился за стоящими чашками и цветастыми чайными блюдцами.

Я бесшумно прошел к стулу возле стола и аккуратно сел. Подобные стулья обладали способностью скрипнуть в самый неподходящий момент, а мне этого не нужно. Я смотрел на спящего.

– Теперь надо потянуться и глубоко подышать, – сообщил мне голос с кухни. – Ноги поставьте на ширину плеч, руки согните перед грудью. Пальцы соприкасаются, локти в стороны...

То, что я собирался сделать, можно классифицировать как казнь. Достаточно было подойти к спящему, ударить в висок, а потом подтащить тело... Да хоть к этому же стулу, на котором сижу.

Проснулся учитель русского языка и литературы, встал, потянулся, запнулся за ножку дивана и в результате несчастный случай.

Да-да, именно так я себе это и представлял вчера вечером. Ещё днем в форме почтальона я разносил письма и присел на лавочку возле этого двухэтажного дома. Бабушки, бесценный

источник информации, уже грели косточки на майском солнышке, делясь последними сводками. К двум таким я и подсел.

– Здравствуйте, бабушки, я посижу тут немного? А то ногу натер, ноет аж страсть, – спросил я, чуть прихрамывая.

– Откель же к нам такого молоденького почтальона занесло? – спросила одна из бабушек, убитенная сединами и с морщинистым лицом, похожим на печеное яблочко.

– С почты, бабушки, с почты, – ответил я неопределенно, махнув рукой в сторону отделения. – Вот, разношу письма, телеграммы. Работать начал недавно, купил ботинки, будь они неладны. Они ещё не разношены, вот и натер мозоль... А вы местные? Всех тут знаете? А то я новенький, пока ещё со всеми не познакомился... Кто тут живет?

На меня тут же обрушилась лавина информации по поводу живущих в радиусе километра. Как у всех лиц пожилого возраста, у бабушек был дефицит общения. Ну да, дети разъехались, внуки только на лето – пообщаться особо не с кем, только если с такими же людьми на стадии «счастливого доживания». В моё время подобные бабушки оккупировали интернет и теперь свободно болтают часами по скайпу и другим соцсетям. В СССР же объектом для коммуникации престарелого поколения была лавочка.

Так надо ли говорить – насколько женщины были рады подставившимся свободным ушам? Да ещё такого уважительного молодого человека, причёсанного, аккуратного... И это в то время, когда молодежь начинает распробовать западную культуру и юноши начинают носить длинные волосы, во время сильного ветра становясь похожими на пьяные одуванчики.

Мне оставалось только поддакивать, покачивать головой, а иногда задавать наводящие вопросы. Вот и всё, что нужно для счастья пожилым людям.

Я терпеливо слушал, ведь в сферу моих интересов входила семья Чикатило, живущая на первом этаже соседнего дома. Да, рассказали и про них. А также про то, что жена, сын и дочь Андрея Романовича укатали к бабушке в Родионово-Несветайскую на неделю. Теперь Андрей Романович холостякует один дома.

Что же, это было для моего дела как нельзя кстати. Счастливое стечение обстоятельств, так сказать. Я потратил на разговор полтора часа, зато в это время смог продумать и даже рассмотреть пути подхода.

Ночью можно было проникнуть без особых проблем – я даже с помощью проволоки сумел подтянуть и вытащить из оконных щеколд задвижки. Металлические штырьки с трудом вышли из покрашенных скоб. Всё-таки привычка оставлять форточку открытой подвела Чикатило.

Я бы вошел и раньше, но прогуливающиеся по ночному воздуху молодые парочки спугнули меня. А одна парочка даже уселась на лавочке, где ещё днём я сидел с бабушками. Парень с девушкой занялись любовным курлыканьем, а я терпеливо ждал в кустах шиповника.

Если бы эта парочка не смылась, то мне пришлось бы откладывать проникновение в дом маньяка. Но, Фортуна и в этот раз мне улыбнулась – с первыми лучами солнца пара исчезла, словно утренняя роса.

Залезть в окно было делом техники. Пока ещё советские граждане под играющий гимн размыкали глаза, я разомкнул окно и бесшумно проник в квартиру.

И вот теперь, сижу перед человеком, который не совершил своего первого убийства, но уже начал приставать к девочкам в интернате, в котором преподавал. Пока что его дьявольские наклонности были в зарождающейся стадии, но... Я решил, что их нужно пресечь заранее. Чтобы не находили растерзанную девятилетнюю девочку возле моста через реку Грушевку. Или чтобы не убивались родители двенадцатилетней девочки, а потом ещё семерых детей в возрасте с девяти до шестнадцати. И остальных...

Чтобы не расстреливали из-за него других людей, ложно обвиненных и с выбитыми показаниями. Чтобы могли жить пятьдесят шесть людей, которых нашли изуродованными, порой изнасилованными, и даже со следами каннибализма.

Может быть я не прав, ведь я не судья и не имею права судить до совершения всех этих преступлений, но...

– Три-четыре, продолжаем. Наклониться, выпрямиться. Наклониться, выпрямиться, – вещало радио.

Ну что же, продолжаем, значит, продолжаем.

Я вдохнул, выдохнул и встал со стула. Подойдя к мужчине, я тронул того за плечо. Он вздрогнул и тут же открыл глаза.

Моя ладонь сразу же накрыла ему рот. Чикатило испуганно заморгал, задергался, но я прижал палец к губам:

– Тихо, не нужно криков. Я сейчас кое-что скажу и уйду. Ты не будешь кричать, хорошо? Кивни, если понял.

Мужчина снова моргнул два раза, а потом кивнул. Я неторопливо убрал руку с его лица.

– Вы кто? Почему вы здесь?

– Я тот, кто пришел наказать тебя, – ответил я и почувствовал, насколько же пафосно и глупо это прозвучало.

Нет, не рожден я был для роли супермена в обтягивающем костюме и надетыми сверху красными труселями.

– Вы из-за Любы Костиной? Это всё неправда, я не залезал к ней в трусики, – тут же быстро проговорил Чикатило. – Я ей просто двойку поставил, а она начала на меня поклёп возводить. Это всё неправда. И с Тоней Гульцевой тоже неправда. Они сговорились. Я лишь хотел им помочь улучшить оценки, а они... За что меня наказывать? Я ничего не делал!

Я слушал и мне становилось противно. Так погано, что не передать. Он лежал, юлил передо мной, а его глаза дергались по сторонам в поисках спасения. Я снова накрыл его рот рукой и помотал головой, призывая к молчанию. Чикатило затих, расширив зрачки.

Тот, кто навел ужас на Россию в будущем, сейчас сам страшно боялся.

– Знаешь, я из будущего, – честно ответил я. – Ты можешь мне не верить – мне на это насрать. Но в будущем ты станешь страшным маньяком, который убьет больше полсотни людей. В основном это будут беззащитные создания, вот как ты сейчас. И чтобы этого не случилось, я хочу это предотвратить. А ты...

В этот момент Чикатило уже всё понял. Не знаю, поверил он мне или нет, но дернулся и попытался освободиться, забил руками и ногами. Вверх взметнулось одеяло, но я был быстрее.

Хрусь!

Одеяло опустилось уже на бессильно упавшие руки. Висок был проломлен точно так, как я и планировал.

– Ладони переведите на живот, мышцы расслабьте, глубоко подышите, – попросило радио с кухни.

Да уж, подышать мне бы не мешало. Адреналиновый выброс заставлял колени подергиваться, противно засосало под ложечкой.

Всё-таки я не палач – я солдат, а это другое. И пусть мы делаем похожее дело, но... У меня к такому делу ещё нет навыка. Вот у Зинчукова, который недавно казнил Гитлера, такое проходило легче, а я... Я к такому ещё не готов.

И не знаю – буду ли когда готов вообще.

Что же, дальше было дело техники. Положить тело на старый паркет, запутать одну ногу в одеяле, старательно вымазать кровью край стула. Зарядка по радио уже закончилась, когда я прекратил выстраивать картину несчастного случая.

Потом люди скажут, что учитель русского языка и литературы утром неудачно встал, запнулся за свисающий край одеяла и скоропостижно скончался. Но это будет потом, а сейчас... Сейчас я аккуратно прошелся платком по тем местам, где мог коснуться пальцами. Не забыл про окно, сквозь стекло которого уже были видны ранние пташки, идущие на работу.

Обратно я не стал выходить там же, где вошел. Аккуратно открыв дверь, я вышел в пахнущий кошками подъезд. Английский замок щелчком уведомил меня о том, что дверь закрыта и войти в неё сможет только человек с ключами.

Мда, неприятный будет сюрприз для вернувшейся вдовы, но... Жизнь полусотни человек на мой взгляд стоили пролитых слез. Может быть, я и ошибаюсь, ведь для каждого человека ближе тот, что роднее, а не какие-то незнакомцы.

Я вышел и двинулся походкой занятого человека в сторону автобусной станции. Да, я проверил, чтобы меня никто не видел. Прочь пошел переулками, а не по основному пути.

Всё вроде бы хорошо и можно было возвращаться обратно в Ленинград, чтобы снова приступить к зубрежке. Ощущал ли я облегчение? Нет, никакого. На душе было муторно, как на утро после вчерашних отличных посиделок. Я утешал себя мыслью, что сделал это не напрасно. Что сделал это для людей.

Автобус пришел по расписанию. Он с легкостью повез убийцу в Ростов, откуда можно было двинуться на Ленинград.

Я сделал всё чисто, однако, я не учел того факта, что одна из бабушек, с кем разговаривал предыдущим днем, любит рано вставать и пить чай, поглядывая за окно.

Глава 2

Я сидел и корпел над математической задачей. Вернее, делал вид, что корпел. На самом деле тянул время, чтобы попасть в ряды среднестатистических студентов, то бишь таких, которые не плетутся в конце, но и не гарцуют в лидерах учебы.

По наводке Зинчукова я подал документы на юридический факультет ЛГУ. В Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени А. А. Жданова. Во как, это вам не хухры-мухры, тут жопу рвать надо!

После моей поездки в Ростов я с головой погрузился в подготовку к экзаменам. Конечно, можно было подключить и гипнотические эпизоды, как это было на Алтае, но тогда могла крыша поехать. Мне это на полном серьезе сказал Зинчуков. В тот первый раз мой мозг был девственно чист и готов к приему информации, а сейчас он уже перестроился и работал в усиленном режиме. Постороннее вмешательство могло привести к неопределенным эффектам.

Поэтому я до самого августа сидел и корпел над учебниками. И это в то время, когда все нормальные молодые люди гуляли и радовались жизни!

Несправедливо всё-таки...

Однако, мне выбирать не приходилось. Я находился на государственной службе в организации, которой фактически не существовало. Ну да, организация «Гарпун» не фигурировала ни в одной из архивных записей. Члены этой организации были друг с другом почти не знакомы. Да что там говорить – я сам знал только двоих, Вягилева и Зинчукова. Причем мне казалось, что таких мелких пешек, как я под управлением Зинчукова было трое, а сколько было таких, как Зинчуков под управлением Вягилева оставалось только догадываться.

Кстати, меня так и не ввели в курс дела. Не объяснили, ради чего я должен буду поступить на юридический факультет. Зинчуков на все вопросы только отмахивался, говоря, что всё узнаю, когда придет время.

Ну что же, я человек военный, пусть пока и не красивый, здоровенный, но умеющий выполнять приказы. Да, по поводу красивого и здоровенного – я решил в ближайшее время записаться в какую-нибудь секцию борьбы или самбо. Для поддержания физической активности и наращивания мускулатуры. А то худощавое тело может и подвести в самый неожиданный момент. Но это будет после поступления. Пока что я сосредоточился на зубрежке и заполнения пробелов в образовании.

По документам, которые сделал мне Зинчуков, мой средний балл выходил на четыре и шесть. Это было совсем неплохо, учитывая то, что при поступлении учитывался этот балл тоже учитывался. Также к документам прилагалась рекомендация от райкома. А это уже солидная бумажка.

Не знаю, кого пришлось подмазать для получения подобной рекомендации, но в конечном итоге я со знанием дела, с честью и достоинством подал документы на вступление в старейший ВУЗ Ленинграда. В здания на Васильевском острове...

Подав документы, погулял по белым ночам, а потом, в середине июля на мой съемный адрес пришло сообщение, что я допущен к вступительным экзаменам, которые начнутся первого августа.

И вот первого августа, чисто выбритый, наутюженный и наглаженный я засел за сдачу математики. В аудитории пахло старым деревом, пылью и всё это сдобрено легкими оттенками аромата краски. Похоже, что совсем недавно в здании был проделан косметический ремонт, и запахи ещё не успели испариться.

Аудитория напоминала амфитеатр, где парты спускались к доске полукругом. Сквозь огромные окна улыбалось летнее солнце, заливая аудиторию ярким светом. Для Ленинграда, в

котором солнце было редким гостем, это был один из отличных дней. Я посчитал это хорошим знаком для себя.

Солнечная среда как нельзя лучше подходила для мотивации.

На огромной доске были написаны задания: арифметическая задача, задание по алгебре, геометрии и еще дополнительное задание. Причем на разных половинах доски были написаны два варианта заданий. С арифметикой справился быстро. Задание по алгебре тоже не было трудным. Вот с геометрией немного пришлось напрячь извилины, но тоже решил. Дополнительное задание нарочно сделал с ошибкой. Чтобы не круглая пятерка вышла, а четверочка.

Всё-таки я не отличник, а хорошист!

Как в анекдоте: «Девушка, вы хорошистка? Нет, я удовлетворительница!»

Теперь сидел и наблюдал, как впереди меня молодой человек пытался списать задачу у соседки, а та закрывалась от него ладонью и хмурилась в ответ на его шипение.

– Да ладно тебе, ну что, жалко, что ли? – шипел черноволосый парнишка с прыщавым лицом, похожим на поверхность Луны.

– Отстань. Я сама не успеваю, – пискнула девушка в ответ и отстранилась от сидящего.

На мой вкус она была миловидна. Круглое лицо в обрамлении русых кудряшек было привлекательно даже сейчас, когда она сердилась. Ямочки на щеках появлялись при растягивании губ в улыбку – я это видел до вхождения в аудиторию. Высокую грудь и спортивную фигуру не могло скрыть даже строгое серое платье в полоску.

– Вот же ты крыса, – буркнул парень зло. – Ну что тебе стоит? А?

– Извините! – подняла руку девушка. – А можно мне пересесть на другое место? Тут слишком... – она выдержала паузу, глядя на молодого человека, а потом добавила. – Солнечно. Глаза режет.

Надо было видеть, как искривилось лицо молодого человека. Он смолчал, но было видно, что ругательства так и рвутся из впалой груди. Невысокий, смуглый, похож на цыганенка. Такому бы красную атласную рубаху и гитару-шестиструнку, да пустить его в чистое поле на коне...

Я еле-еле смог подавить зарождающийся в груди смех. Никогда не видел адвоката на коне в чистом поле и с гитарой. В основном они ходили в костюмах и лакированных туфлях.

Седой профессор, к которому обратилась девушка, одобрительно кивнул, едва заметно улыбнувшись. Похоже, что он догадался об истинной причине подобной пересадки. Сколько же подобных молодых людей прошло через этого профессора? Каких только ребят он не повидал...

Девушка забрала листок бумаги, карандаши, ручки и сумочку. Со всем этим нехитрым скрабом пересела туда, где её не мог достать надоедливый сосед.

Тот зыркнул по сторонам в поисках спасительного круга, но остальные студенты были вне досягаемости его пытливого взора. Похоже, что своих мозгов для решения задач молодому человеку не хватало... Тогда он пошел на хитрость.

– Прошу прощения! Можно мне тоже немного сдвинуться? – поднял руку черноволосый пройдоха. – Тут и в самом деле шпарит так, что свариться можно.

Девушка невольно выпрямилась, когда услышала его голос. Она оглянулась на черноволосого и наткнулась на мой взгляд. Я усмехнулся и подмигнул в ответ, мол, не робей. После этого дружеского жеста поднял руку:

– Профессор, позвольте предложить товарищу моё место. Я закончил с заданием, а на этом месте солнышка нет. Тут тепло, светло и мухи не кусают. Пусть садится, я уже ухожу!

– Да, молодой человек, пересаживайтесь на место этого абитуриента. Там вам никто и ничто не будет мешать, – хорошо поставленным голосом проговорил профессор. – И вы никому мешать не будете.

Когда я шел по направлению к профессорскому столу, то мне в спину раздалось шипение:

– Ещё встретимся, мозгляк...

Вот так вот...

Мда, умею я заводить друзей. Но мне кажется, что подобная жертва оправдана появлением ямочек на розовых щечках.

Я не стал ждать после экзамена ни обладательницу ямочек, ни цыганистого. Если пройдут, то увидимся ещё, а так... Ждать их мне не хотелось. Солнечный день редкость для Ленинграда, поэтому следовало насладиться прогулкой по городу и любованием красивых зданий и нарядных фасадов.

Когда на следующий день вывесили списки, то я даже не удивился, увидев свою фамилию среди допущенных к другим экзаменам. Да, как и предполагал – четверка.

Наблюдать, как абитуриенты, сгрудившись толпой, с надеждой в глазах изучают список допущенных к следующему экзамену, пытаюсь поскорее увидеть там свою фамилию – зрелище не для слабонервных. Слезы отчаяния, вздохи разочарования, радостные крики и возгласы, отсутствующие взгляды увидевших «неуд» напротив своей фамилии, попытки пробиться поближе к спискам, чтобы убедиться, что у тебя стоит хорошая отметка – все здесь перемешивается и превращается в сплошной гул радости и разочарования.

Среди толпы ребят я увидел вчерашнюю девчонку с кудряшками. Сегодня на её щеках уже красовались ямочки – она улыбалась, увидев свою оценку. Я решил, что если настроение у девушки хорошее, то почему бы его ещё больше не улучшить знакомством с интересным собеседником?

– Привет! Пройшла? – спросил я, когда оказался рядом.

Она подняла на меня голубые глаза, через секунду узнала и расплылась в улыбке сильнее.

– Привет! Пять получила! – сказала она.

– Отлично, я в этом даже не сомневался. Уж если солнце мешать перестало, то больше никаких препятствий к мозговому штурму.

– Да, когда сосредоточилась, то решение пришло быстро. Спасибо за помощь.

– Не за что, – улыбнулся я в ответ и протянул руку. – Меня Михаилом зовут. Михаил Орлов.

Ну да, это мои новые имя и фамилия. Я был Семеном, был Борисом, теперь я Михаил. Крайне засекреченный шпион и тайный агент организации, борющейся за справедливость во всем мире.

– Тамара, – пожала девушка мою руку твердой ладошкой. – Тамара Фонова. У тебя красивая фамилия, прямо как у графа Орлова.

– И у тебя тоже хорошая. Но не в фамилии дело, а в человеке, который её носит.

Неожиданно я заметил цыганистого. Он с кислой рожей растолкал других абитуриентов и уставился на список поступивших. Рожа стала ещё кислее, как будто он только что откусил половину лимона. Цыганистый развернулся и в этот момент наткнулся взглядом на нас.

Тамара тоже заметила его и потупилась. Ямочки с щек как будто стерли ластиком.

Через несколько секунд цыганистый был возле нас. Он ожег меня гневным взглядом, а потом обратился к девушке:

– Фонова, из-за тебя я тройбан схлопотал!

– Почему из-за меня, Дамиров? – спросила девушка. – Ты сам должен был учить...

– Заткнись! Не могла дать списать, а теперь оправдываешься? – грубо оборвал её цыганистый.

– Слышь, повежливее можно? – осадил я его.

– А ты кто такой? – зыркнул он на меня. – Что за Робин Гуд нашелся? Защитник сирых и убогих...

– Дружище, ты сам лопухнулся, а теперь ищешь на ком сорвать злость, – ответил я с легкой улыбкой. – Учить надо было лучше.

– Тебя не спросил! Будут тут мне ещё указывать всякие...

Я поднял руку, растопылив пальцы. Моя ладонь оказалась в одном сантиметре от его лица. Дамиров невольно отшатнулся.

– Поосторожнее со словами, – предупредил я. – Я не девушка, чтобы безропотно выслушивать хамские выпады. Я и сам в ответ могу кое-чего...

Другие абитуриенты с интересом начали оглядываться на нашу троицу. Разговоры понемногу стихали. Дамиров оглянулся по сторонам. Начинать драку ему было не с руки – в здании университета, да ещё и не поступив толком...

– Мы позже встретимся, – проговорил Дамиров с угрозой в голосе.

– Да в любое время, – с улыбкой ответил я. – Как только, так сразу.

После этих слов цыганистый развернулся и двинулся на выход. Тамара невольно выдохнула.

– Ты знаешь его? – спросил я.

– Ага, мой одноклассник. В школе привык у меня списывать... Почти три класса его тянула, думала, что избавлюсь в университете, а он... Тоже надумал поступать сюда. Как же он надоел... Эх, хоть бы только не поступил. Вот тогда бы я вздохнула свободно, – покачала Тамара головой. – А ты зря так с ним разговаривал. Знаешь, у него же целая компания есть... Как только до сих пор в милицию не загремели.

– И что за компания? – спросил я. – Такие же чрезмерно награжденные интеллектом?

– Похожие. Их в нашей школе даже называли так... Дамиров и компания. Всякие пакости строили другим ученикам, а когда те им возражали или смели противиться, то жаловались завучам или директору школы. Вот такие вот «интересные» личности.

– Да плюнь на них, – махнул я рукой. – Может и не поступит. А если даже и получится пролезть, то обещаю – я не дам тебя в обиду. А чтобы снова улучшить настроение могу угостить мороженым. Ты как? Стукнемся вафельными стаканчиками в честь поступления?

– Знаешь... А давай, – Тамара вернула ямочки на щеки. – Отметим первый взятый рубеж!

Когда мы выходили из здания университета, то я лопатками чувствовал ненавидящий взгляд. Как будто острой веточкой водили по спине. Оборачиваться я не стал. Много чести. Я всё внимание перевел на беседу с новой знакомой.

Глава 3

Через несколько дней я сдавал экзамен по истории. Для кого-то этот экзамен был кошмарен тем, что в памяти нужно было гонять множество фактов и исторических моментов, начиная от событий до нашей эры, заканчивая последним съездом КПСС. Причем нужно было помнить не только историю нашей страны, а всего мира.

Как это все запомнить молодому волнующемуся поколению, особенно даты? И это летом, когда хочется на улицу, когда в вечерних сумерках звучат переливы гитар, а смех и пение беззаботных счастливиц так и норовят отвлечь от нужных вещей...

Я смотрел в глаза сдающих и видел там полный винегрет. Похоже, что из этого винегрета состояли и мысли абитуриентов. В глазах допущенных к экзамену светились факты из съездов КПСС, масок фараонов, тем революций, битв, войн, имен царей, королей и императоров, восстаний и пятилеток.

В негромко гудящей толпе я увидел склонившуюся над тетрадкой Тамару. Она стояла чуть в сторонке от основной толпы и увлеченно читала, стараясь обновить знания. Чем-то она мне напомнила Наталью Варлей из "Приключений Шурика". Ради эксперимента прошелся два раза мимо неё, чуть ли не касаясь плечом тетради – вообще никакого внимания!

Дамирова нигде не было видно, впрочем, я особо и не искал его взглядом. Много чести!

Мы с Тамарой после экзамена по математике хорошо погуляли по улочкам Васильевского острова, а потом расстались на станции метро "Василеостровская". Расстались без поцелуев, но с пожиманием рук друг друга, как хорошие товарищи.

Конечно, я мог бы включить обаяние, вскружить девушке голову, заставить сердце биться чаще, а ямочки не покидать щек, но... Сейчас идут экзамены, поэтому лучше сосредоточиться на учебе, а "мальчики потом" – если перефразировать песню про самолеты.

Мы немного постояли на станции в ожидании "горизонтального лифта". Я оглядывался по сторонам, любясь относительно новой станицей метро. Стены перронного зала облицованы белым мрамором. Пол – из серого гранита, в проёмах дверей горизонтальных лифтов уложены кусочки плитки. По всей длине стен, над дверными проёмами – фриз из смальты сине-зелёных тонов, в котором установлено закарнизное освещение.

Я вылез на следующей станции, а поезд с Тамарой укатил дальше. На моё предложение проводить до дома и тем самым обеспечить безопасность получил категорический отказ. Тамара сказал, что в её районе спокойно, а добираться обратно придется долго. Поэтому мы договорились встретиться на следующем экзамене.

Договорились увидаться и поболтать, а тут на тебе – ходишь перед ней щеголем, а она даже не обращает внимания! Ладно, я не хотел её тревожить и уже прошел бы дальше, но неожиданно Тамара схватила меня руку:

– Привет! Так бы и ушел, правда?

– Привет, я думал, что ты вся в учебе, – улыбнулся я в ответ.

– Ну да, вся в учебе. В голове такой хоровод... Не поверишь, сегодня приснилось, что за круглым столом короля Артура собрались Ленин, Николай Второй, маршал Жуков, Стенька Разин, Сталин, Брежнев, Навуходоносор, Черчилль и Столыпин. Сидят и курят трубку мира. Смотрят на меня и ждут, пока я начну про них рассказывать. Экзамен принимают, – тряхнула кудряшками Тамара.

– Да уж, так и с ума сойти можно. Знакомый рассказывал, что в МГУ даже от экзаменов в окна общаги выпрыгивают! – поднял я палец.

– Слабые люди, – пожал плечами Тамара. – Сильные приняли бы свою участь с достоинством и постарались бы улучшить положение. А шагнуть из окна... Это самое простое решение. Я бы так ни за что не поступила.

Я покивал в ответ. В это время дверь распахнулась и на пороге возник молодой аспирант. Он зычным голосом возвестил:

– Товарищи абитуриенты, без толчеи и шума проходите в аудиторию! Места всем хватит, так что не старайтесь бежать впереди паровоза!

Абитуриенты потянулись внутрь помещения. Эта аудитория напоминала предыдущую, только со стен смотрели не лица известных математиков, а кучерявые бороды Сократа и Аристотеля. Ещё на абитуриентов взирали другие исторические деятели, но я не стал заострять на них внимание.

Мы с Тамарой сели неподалеку друг от друга – места хватало, чтобы не сидеть бок о бок. Всё-таки после первого экзамена народу поубавилось...

Но не убавилось в том месте, в котором хотелось бы! Дамиров примостился позади нас. Он угрюмо зыркнул на меня, потом прошипел в спину Тамары:

– Что, Фонова, нового хахаля нашла? Теперь вечера будут другим заняты?

Ну вот сам нарывался же на грубое слово!

– Не мели чушь, Дамиров, – бросила Тамара в ответ. – Никаких... хахалей у меня нет!

– Да, Дамиров, не мешай сдавать экзамены, – подключился я. – Если хочешь пообщаться, то придержи разговоры до конца занятий.

– А тебе слова не давали, – процедил он.

– Я сам взял, поскольку могу себе это позволить, – хмыкнул я в ответ. – Не мешай. Дыши равномерно.

– Ну-ну, раз смелый такой, то подождем до конца занятий, – последовал ответ. – Посмотрим тогда – какой ты смелый...

Тамара покачала головой, глядя на меня. Да мне и самому не хотелось продолжать подобную беседу. Тем более, что почти все абитуриенты уже расселись по местам. Пошипеть и побрызгать слюной друг на друга мы можем и позднее.

Сейчас же начался вступительный экзамен. Внизу аудитории, за четырьмя столами восседали два пожилых убеленных сединами мужа, мужчина лет тридцати-тридцати пяти, а последнее место занимал тот самый молодой аспирант, который пригласил всех в аудиторию. Мужчина средних лет показался мне чем-то знакомым. И ведь я точно могу сказать, что где-то его видел. Вот только где?

Впрочем, покопаться в памяти можно и позже, сейчас же раскопки должны перейти в русло экзамена. Студенты подходили, брали билеты, после чего возвращались на место готовиться. Тамара полностью погрузилась в подготовку, я тоже начал набрасывать на лист бумаги небольшой план ответов.

В моем билете вопросы были легкими, почти все. Трудность я испытал на последнем, в котором спрашивали про поэму Некрасова "Кому на Руси жить хорошо" и про тяжелый быт крепостных крестьян.

Как-то так получилось, что с этой поэмой у меня знакомство не задалось. Попробовав начало, я чуть ли не уснул под распевное звучание стиха. Решив, что авось пронесет, я отложил это произведение в сторону. Прочитал только по-быстренькому краткое содержание да и всё... Саму поэму читать не стал.

Авось пронесет... Не пронесло...

После всех сказанных вопросов я застопорился. В этот момент принимающий у меня экзамен аспирант поднял глаза и уставился сквозь тонкие стекла очков. До этого мы с ним неплохо беседовали, я отвечал на вопросы бойко, а вот на Некрасове...

– Ну что же, о чем поэма Некрасова? – спросил аспирант, глядя на меня чуть с прищуром.

А я и помнил только то, что в ней семь мужиков из разных сел собрались, да начали спорить по поводу того, кому "живется весело".

– О споре семерых мужчин, из которых каждый представлял себе хорошо живущего барина, либо чиновника, либо вообще царя, – ответил я.

– И что хотел Некрасов показать в своей поэме? – задал аспирант ещё один наводящий вопрос.

– Отношение сильных того мира к крепостным крестьянам. Как они ущемляли и не считали крепостных за людей. А сами катались как сыр в масле и плевать хотели на низшее сословие.

– А раскрыть эту тему можете?

Ну да, надо было что-то говорить, вот я и начал болтать про то, как крестьян стегали кнутами, обливали кипятком, бросали в ледяную воду, никуда не отпускали из деревень и вообще могли по всякому издеваться, а за это владельцу крепостных ничего не было. Даже никто не судил за подобное...

– А ещё Радищев писал про крепостных, – сказал я, в попытках перевести стрелки на другое произведение.

Аспирант посмотрел на меня и усмехнулся. Он чуть потер виски, а потом спросил:

– Вы вообще читали эту поэму?

Я вздохнул, а потом решил сказать правду:

– Начал читать, но до конца прочитать не успел – готовился к другим экзаменам. Обещаю сделать это в самое ближайшее время...

Неожиданно поймал себя на том, что между лопатками проползла капелька холодного пота. Чего же аспирант так внимательно смотрит? Завалит или...

– Эх, если бы не Зинчуков, то мог бы и ещё поспрашивать, – покачал головой аспирант. – Как же не знать такие вещи? Крепостное право калечит людей, заставляя совершать безнравственные поступки. Допустим раб князя Переметьева счастлив, поедаая объедки с барского стола. А вот слуга князя Утятин гордо рассказывает, как господин, купая его в ледяной проруби, потом подносил рюмку водки. Или примерный холоп Яков, не выдержав обиды, повесился на глазах хозяина. А ещё подкупленный староста Глеб уничтожил вольную грамоту, лишив свободной жизни восемь тысяч крестьян. Эх, обязательно почитайте, абитуриент. Это произведение показывает настоящее лицо классового врага социализма – капитала. И к этому сейчас стремится прийти загнивающий запад, строя козни светлому будущему коммунизма.

– Обязательно прочту, – клятвенно заверил я, облегченно выдохнув.

Аспирант назвал волшебную фамилию человека, который обещал помочь. Зинчукова, а вовсе не князей.

– Поверю на слово, – кивнул принимающий экзамен, и потом... поставил в экзаменационный лист пятерку!

– Огромное спасибо, – вырвалось у меня. – Хорошего дня.

Аспирант кивнул мне и повернулся к сидящему неподалеку мужчине средних лет:

– Анатолий Александрович, я закончил с очередным абитуриентом. Позвольте отлучиться на десять минут?

– Григорий Степанович, бросали бы вы эту вредную привычку, – с укоризной в голосе проговорил названный Анатолием Александровичем.

– Брошу, – с твердостью в голосе произнес аспирант, а потом посмотрел на меня и повторил с моей недавней интонацией. – Обязательно брошу!

Я улыбнулся в ответ. После этого нашел взглядом всё ещё пишущую Тамару и подмигнул ей. Она подняла большой палец. Дамиров хмуро зыркнул, когда двинулся следом за аспирантом.

Выходили из аудитории мы вместе, уже за дверью я спросил:

– Так вы от Зинчукова?

Аспирант холодно посмотрел на меня и ответил:

– Не понимаю о чем вы, молодой человек. Хорошей вам сдачи экзаменов...

– Прошу прощения, – поправился я. – После билета ещё не отошел. Извините, а можно ещё один вопрос? Последний?

– Ну, если только последний, – сказал аспирант, демонстративно вытаскивая из кармана сигаретную пачку.

– А вот Анатолий Александрович... он кто? Где-то я его видел, а вот вспомнить не могу.

– Возможно в другом университете. Анатолий Александрович Собчак только в этом году к нам перешел. Он учился тут раньше, вот и вернулся в родную альма матер, – сообщил Григорий Степанович. – На этом всё? Всего доброго.

После этого аспирант развернулся и двинулся вглубь коридора. На выход было в другую сторону, поэтому я не стал преследовать мужчину, а двинулся на улицу. Там я и решил дожидаться выхода Тамары.

В моей голове появилась картинка сидящего мужчины средних. Так-так-так, это же Собчак, Анатолий Александрович. Вот откуда я его знаю и помню. В моём мире будущий мэр Санкт-Петербурга уже почил, а тут... Сидит и принимает экзамен у абитуриентов...

Надо же какое совпадение. Вот кто станет меня учить, если я пройду оставшиеся испытания.

Вскоре на улицу выскочила Тамара. Она чуть ли не светилась от счастья и на выходе показала растопыренную пятерню. Остальные экзамены мы тоже прошли успешно.

Поле сдачи экзаменов я получил приглашение на праздник посвящения в студенты, в котором было написано:

"Дорогой товарищ!

Ректорат, партком, комитет ВЛКСМ, профком, Центральная приемная комиссия сердечно поздравляют Вас с поступлением в университет.

Вы поступили в Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Государственный университет имени А. А. Жданова, богатый славными революционными, научными и трудовыми традициями.

В стенах нашего университета сдавал экстерном по юридическому факультету и получил диплом первой степени В.И. ЛЕНИН.

С Ленинградским университетом связаны имена выдающихся деятелей русской науки и культуры Д.И.Менделеева, И.И. Мечникова, И.П. Павлова, А.С. Попова, К.С. Тимирязева, П.Л.Чебышева, Н.Г.Чернышевского, И.С.Тургенева и многих других.

В наши дни ученые, студенты, коммунисты и комсомольцы университета успешно решают задачи, поставленные XXIV съездом КПСС.

Будьте достойными продолжателями университетских традиций!

Мы приглашаем Вас на праздник посвящения в студенты, который состоится во Дворце Культуры имени С.М. Кирова 31 августа 1973 г.

Сбор на Менделеевской линии в 9.00"

Я ещё не знал, что на этот праздник припрется и компания Дамирова...

Глава 4

Как и всякому молодому человеку, который готовится пустить пыль в глаза и распушить павлиний хвост перед девчонками, мне предстояло провести ритуал «начипуривания». То есть нужно было сходить в парикмахерскую и привести буйную шевелюру в более-менее нормальный вид. Также нужно было побриться, смахнуть легкий пушок с губы и щек, выстирать и выгладить рубашку с брюками. В общем, привести себя в такое подобие молодого человека с советского плаката, с которым любая девушка согласится пройти под ручку.

А что? Мне же Зинчуков сказал не выделяться из общей массы. Но вот как раз вся общая масса будет подобной праздничной и красивой.

В процессе бриться в мою дверь постучали. Вроде бы и не было в этом ничего такого, но... Надо сказать, что снятую на выделенные деньги квартиру никто за три месяца не беспокоил.

То есть я приезжал к Марии Петровне, престарелой хозяйке квартиры, привозил ей деньги и обязательный торт. Всегда покупал ту самую легенду под названием «Киевский». Не могу не сказать, что это действительно была феерия вкуса и лучшее украшение любого праздничного стола. В моё время «Киевский» стал уже не таким – в моём времени в него добавили дешёвые растительные жиры, пальмовое масло и тому подобную прелесть. А вот в семидесятые... Ммм, пальчики оближешь.

Мы сидели за чаем порой не меньше часа, я слушал истории из военного прошлого старшего лейтенанта Галкиной, слушал внимательно и с интересом. К тому же я знал, что Мария Петровна иногда звонит своей соседке и интересуется состоянием квартиры. Но та неизменно отвечала, что всё аккуратно, что музыка не играет, гостей нет. Молодой вежливый и весьма обходительный человек готовится к экзаменам.

Надо ли говорить, что Мария Петровна была без ума от такого квартиранта и поэтому никогда не приезжала с проверками?

И соседи старались не беспокоить, хоть любопытствующие взгляды я чувствовал спиной.

А вот на тебе... Постучались...

Я притаился, но стук раздался ещё раз. Громче. Словно человек за дверью знал, что я дома, и стремился достучаться во что бы то ни стало.

Что же, надо посмотреть – кто так настойчиво спешит нарушить покой одинокого молодого человека?

Я на цыпочках подкрался к глазку и аккуратно заглянул в стеклянный кругляшок. На моих щеках ещё белела мыльная пена, которую я перед этим старательно взбивал помазком в стакане. Невольно стер её концом свисающего с шеи полотенца.

– Открывай, Михаил, свои, – сообщил мне стоящий за дверью Зинчуков. – Дядя Вова из Владивостока приехал.

Он смотрел прямо в глазок и явно увидел изменение света в отверстии. И сказал так не просто для красного словца, а на всякий случай – чтобы возможные посторонние уши восприняли нужную информацию.

Я открыл и посторонился, пропуская его внутрь:

– Дядя Вова! Вот это сюрприз! Как же ты тут?

Сказал я это тоже для возможных ушей. Зинчуков стоял чуть сторбившись, рубашка мятая, парусиновые штаны слегка обвисли, как будто в них до этого пару дней спали. Плащ, перекинутый через левую руку, мягко лежал на дорожном чемоданчике. Мешки под глазами Зинчукова лучше всего говорили о его состоянии. Но я не мог не спросить. Нужно было отыграть роль.

– Проездом, на пару дней. Позволишь остановиться или в гостиницу прогонишь?

– Конечно-конечно, заходи, – посторонился я, пропуская его в квартиру.

После этого закрыл дверь и повернул ключ в замочной скважине.

– Ну, показывай, где тут можно упасть? Спать хочу неимоверно... Прямо хоть спички в глаза вставляй. Так куда? – спросил Зинчуков и уставился на клочки пены на полотенце. – О, а ты чего это? Куда-то собираешься?

Я махнул рукой в сторону дивана:

– Можно там лечь. А я собираюсь на посвящение в студенты. Всё-таки прошел все экзамены, как вы и просили. Кстати, а зачем я туда поступил?

– Миш, Борь, Сень, – зевнул Зинчуков, поставил чемодан на пол и положил на него плащ. После этого он разулся и прошел в комнату. В ноздри ударил запах ношенных носков. Зинчуков увидел, что я невольно скривился и стянул носки с ног. Вытянулся на диване, потянулся и, уже засыпая, проговорил. – Давай все вопросы потом? Сейчас вообще башка не варит. После всего, что мы вложили в Чили, так бездарно всё просрать...

Мой гость закрыл глаза, а через секунду уже начал мерно дышать. Я только покачал головой, вытащил из шкафа сложенное покрывало и накрыл «дядю Вову из Владивостока». Судя по всему, добиться от него сейчас ничего невозможно. Ладно, когда проснется, тогда обо всем и расспрошу.

Мне же надо было продолжать готовиться и начипуриваться!

Глава 5

Я пришел к ДК Кирова на Васильевском острове даже раньше, чем планировал. Всё-таки привычка выходить заранее (потому что автобус может быть забит, а в следующем тоже не найдется мест) порой играет на руку. Автобус пришел вовремя, да и на метро я доехал без особых проблем.

Длинное здание ДК с двумя выступающими вперед строениями чем-то напомнил мне плитку шоколада. Такое же ровное, прямоугольное, выпуклое и радующее глаз.

Артем Григорьевич Зинчуков так и не проснулся, когда я ушел на посвящение. Он крепко спал и не проснулся даже на запах жареной яичницы с колбасой. Впрочем, я честно оставил половину сковороды и хлеб с молоком. Если проснется в моё отсутствие, то запросто сможет заморить червячка до моего прихода.

На площади уже собралось немало народа. Я заметил обворожительно улыбающуюся Тамару, которая стояла поодаль с нарядно одетыми мужчиной и женщиной. Подходить не стал, просто издали помахал рукой. Тамара заметила и помахала в ответ. Женщина тут же что-то спросила у неё, глядя на меня. Тамара ответила. Взгляд женщины был особенным – оценивающим. Так смотрят на возможного зятя...

Может и правильно, что я не подошел. Испытать неловкость от знакомства мне ещё предстоит, если мы будем знакомиться. А нет так нет – зачем сейчас доставлять Тамаре неудобство от лишних расспросов?

Вместо этого я подошел к одному из тех счастливиц, которым повезло тоже поступить на юридический факультет. В процессе сдачи экзаменов я успел познакомиться с десятью ребятами. Этого светловолосого парня с курносом носом звали Андрей Курышев.

– Привет! Тоже с утра пораньше? – спросил я с улыбкой.

– Ага, как же такое событие пропустить? – покачал Андрюха головой.

– Рад, что поступил?

– Неимоверно, – хмыкнул он в ответ. – Всё-таки тридцать человек на место, это не комар чихнул...

– Во-во, смотри, наши готовятся к выступлению, – показал я на помост, где понемногу собирались доценты, профессора и преподаватели.

Среди них я увидел знакомые лица тех, кому сдавал экзамены.

– Да уж, сейчас как дадут жару часа на полтора, – покачал головой Андрюха. – Пожилые люди любят поговорить о великом прошлом.

– Ну а чего о нем не поговорить, если намереваешься построить великое будущее? – в тон ему сказал я. – Всё-таки надо не опускать планку, а поднимать её, чтобы будущим поколениям было на кого равняться.

Андрей усмехнулся в ответ.

В этот момент я почувствовал, как по спине начала скрести острая веточка. Мою спину явно старались просверлить ненавидящим взглядом.

Могу сказать, что и у вас такое было, уважаемые читатели портала Автор Тудей, когда чувствуешь лопатками чужой взгляд. Когда оборачиваешься и натыкаешься на того, кто смотрит. Может и просто смотрит, но именно на вас. И тушется, когда вы поворачиваетесь и смотрите в ответ.

Если скажете, что такого не было, то я просто не поверю. Просто вы постарались про это забыть...

Я обернулся и ожидаемо наткнулся на Дамирова. Он и ещё двое ребят нашего возраста активно прожигали меня взглядами. Дамиров ещё и улыбнулся, проводя большим пальцем

под подбородком. Я в ответ хлопнул по сгибу локтя, хвастаясь длиной рыбы, которую поймал прошлым летом.

Дамиров отлично понял этот жест, когда покраснел пуще помидора. Он что-то процедил своим друзьям, а те кивнули в ответ и двинулись прочь.

Ага, значит, меня ждет чудесное завершение посвящения. Только бы не помешали и не вызвали полицию. Тьфу, милицию. Давно пора бы привыкнуть, но мысли иногда всё-таки сбиваются на привычный лад пятидесятилетнего...

– Во-во, похоже, что начинают, – проговорил Андрей, глядя на помост.

На помосте и в самом деле возникло оживление. Вперед выдвинулся Глеб Иванович Макаров, ректор университета. Он подошел к трибуне, откашлялся, а потом начал речь.

О содержании этой поздравительной речи, о последующих словах и мыслях вы можете догадаться и сами. Они мало отличаются от других, которые дают в напутствие молодому поколению, вступающему во взрослую жизнь.

После этой речи нас пригласили в ДК, где показали «Белоснежку и семь гномов». Я этот мультик уже видел, поэтому и ушел с половины сеанса, а вот другим студентам творчество Диснея точно было в новинку. Многие как замороженные смотрели на чудо, которое творилось на экране.

Я же отправился домой. Там запертый Зинчуков... Может уже проснулся и ждет меня?

Но домой я попал не сразу.

– Ты Орлов? – подошел невысокий щуплый парень, стоило только выйти из дверей.

– Нет, он идет за мной, – беспечно отмахнулся я и пошел дальше. – Вон тот здоровый...

– Не ...зди, иди за мной!

– А ты херню не неси. Если отыгрываешь за шестерку, то не дерзи, а веди себя вежливо, – отрезал я. – Знаешь мою фамилию – хули спрашиваешь?

– Вежливо с падалью? Да ты совсем с ума сошел. Если тебя Дамиров не порвет, то я на ремни порежу.

Я смерил презрительным взглядом засланца. Вот таких обычно засылают при сходке стенка на стенку. Выйдут, потявкают, быстренько получают законных звездюлей и потом ходят с гордо поднятой головой. Они же начали драку, они герои...

Уходить от драки – значит, давать повод Дамирову чувствовать себя победителем. Значит, конфликт будет усугубляться и дальше, а этого мне не хотелось. Большой зуб лучше всего выдрать сразу, чем мучиться и страдать.

– Веди, – хмыкнул я.

– Иди впереди.

– Чтобы ты мне в спину ударил? Или думаешь, что я такой же идиот, как и ты?

Я таки добился своего – щуплый вспыхнул маковым цветом и занес руку для удара. Выведенный из себя противник уже наполовину побежденный противник. А этого чуть ли не затрясло от негодования.

Эх, ребята, мало вам давали раньше отпор, вот вы и решили, что можете делать, что хотите. Но сейчас вы нарвались не на мелкого щенка, которого можно запинать толпой. Сейчас перед вами встанет старый волкодав, который видел не одну смерть на своём веку...

– Хочешь прямо тут подраться? – мило улыбнулся я. – Давай, влепи мне в таблетку... Вон как раз женщина повернулась и внимательно смотрит...

Щуплый с трудом выдохнул. Сейчас он так сильно напоминал разъяренного сенъора Помидора из мультика про Чипполино, что я даже пожалел об отсутствии луковицы под рукой. Какие же порой все нервные...

– Я пойду рядом, – просипел щуплый.

– Только за ручку не держись, а то подумают о нас плохое.

Засланец дышал так тяжело, что я даже забеспокоился – как бы его "Кондрашка" нехватила. В таком-то возрасте. Неподалеку от нас разговаривали двое ребят постарше. Один из них обернулся на нас, явно заинтересованный услышанной беседой. Скуластый, с вытянутым лицом и цепким взглядом. Чем-то этот парнишка показался мне знакомым.

Ну да ладно, потом вспомню. Сейчас же надо преподать урок зарвавшимся соплякам.

Мы прошли мимо ДК. Засланец повернул направо.

Чем хорош Ленинград, так это закутками и переходами. Через сто метров мы пришли на место грядущего побоища. Тут пах рыбой каменный тупик, где разгружались машины за магазином «Продукты». Контейнеры с мусором, пустые поддоны, коробки и пластиковые ящики с пустыми бутылками из-под молока и кефира.

Прекрасное место для получения звездюлей.

Дамиров и его товарищ курили возле одного из мусорных баков. Молодые, ранние, мало нюхавшие жизни, но уже злые и голодные до власти.

– Вот он, я его привел, – толкнул в плечо засланец.

Больно толкнул, костяшками. Я сдержался. Мне ещё предстояло сегодня сдерживаться, так что отнесем этот толчок на разминочный удар.

– Это я его привел, а он меня вообще в другую сторону тянул. Хотел водкой угостить и блинами накормить, – хмыкнул я, широко улыбаясь.

– Козел, ты какого хрена вые...вался? – с пафосом, от которого сводило скулы, проговорил Дамиров. – Перед Тamarкой красовался, что ли?

– Ты сам всё сказал. И ты привел с собой друзей, чтобы они тоже это услышали? Тебе нравится унижаться? Если так, тогда я тебя сейчас таким трехэтажным матом покрою, что обтекать неделю будешь!

– Ты, гнида подзалупная, – прошипел Дамиров. – Ты в конец охренел? Ты чо, е... твою мать?

– За такие разговоры я тебе по хлебалу настучу, а потом добавлю пару по яйцам! Не смей касаться родителей! – рявкнул я в ответ.

Только не переиграть, только не переиграть...

Дамиров и компания напряглись. Они вряд ли привыкли видеть, чтобы против толпы выходил дерзкий выскочка. Да, мой рост, мой вес и моя смелость никак не вязались с тем, что они привыкли видеть. И это выбивало их из колеи.

Пока Дамиров подыскивал слова, чтобы побольнее уязвить, щуплый начал обходить со спины.

Пора!

– Дуэль! Я требую дуэль! Против троих один... Или вы боитесь меня и нападете толпой?

– Что? У тебя в башке капуста? Что за хрень ты несешь? – пробурчал третий, молчавший до этой поры.

– Теперь я вызываю вас на дуэль. Понятно дело, что все вместе затопчите меня, но это будет бесчестный бой. Давайте по-пацански? Раз на раз? Хотя, я даже управлюсь один против вас двоих. Или мне ещё правую руку за спину завести? А если...

Хлоп!

Моя голова мотнулась вправо, а ладонь отвела удар от челюсти.

Вот же чертила щуплый, дождался, пока я отвлекусь и ударил сзади. Как же он предскажем... Не зря всё-таки выводил его из себя. Он полностью отыгрывает роль засланца и забияки, всё как по нотам.

Краем глаза я наблюдал за щуплым, так что удар не был неожиданностью. Я сделал шаг назад с полуоборотом, чтобы прижаться спиной к стене и защитить тыл.

– А если трое молодых комсомольцев проучат зарвавшегося дурачка? Ты совсем ни хрена не понимаешь? – процедил щуплый.

Твою же ма-а-а-ать, да я сейчас сдохну от пафоса. Нельзя попроще-то?

– Ты можешь только исподтишка бить? У всех из компании Дамирова такая подлость в крови? Может быть ещё и бутылками бросаться начнешь? Только посильнее, чтобы и твоих друганов зацепило...

– Да я с тобой и сам справлюсь! – прошипел щуплый.

– Ты-то может быть и справишься, а вот твои дружки... Боюсь, что они тоже будут бесчестно биться.

Та-а-ак, получилось сыграть на их самолюбии. Теперь они в моих руках. Можно бы на этом и закончить, но я увидел, как лица противников покраснели. Поэтому надо вести спектакль дальше. Чем сильнее разгневаются, тем легче будет их поколотить.

– Тогда бьемся по-чесноку! Руками и ногами! Или я за себя не ручаюсь! – выкрикнул я. Ребята неуверенно переглянулись.

– И по одному, чтобы не скопом!

Дамиров кивнул и подмигнул своим товарищам. Явно не просто так подмигнул.

– Хорошо, тогда мы не вмешиваемся, – двое из компании сделали шаг назад.

Отлично! Если бы они втроем накинулись на меня с палками или какими-нибудь арматуринами, то рано или поздно, но попали бы в жизненно важный орган. Или же покалечили кого-нибудь из своих, а как раз другие жертвы тут не нужны. Ловушка захлопнулась. Сейчас приступаю к самой приятной части операции – раздача люлей.

– Давайте, подходи по одному! Я никого не боюсь! Всех победу – один останусь! – выкрикивал я, пританцовывая на месте.

Да, для ребят я неуклюже двигался, но по факту давно уже начал разминаться. Размятое тело получит меньше повреждений, а синяки и шрамы дело наживное.

Первым ко мне сделал шаг Дамиров. Он только сделал шаг, а я сразу перестал скалиться.

Похоже, что от этого мне придется огрести. Чтобы расслабить ребят... Я вдохнул, выдохнул и сделал неловкий прыжок. Занес руку над головой.

Шмяк!

Кулак впился мне точно в солнечное сплетение.

Ха!

Удар поставлен неплохо. Воздух выбило из груди ровно на столько, насколько я позволил. Представление началось...

Я шатаюсь и падаю на одно колено. Тут же прилетает коленом в лоб. Я успеваю подставить ладони под удар.

– Я тебя сейчас...

Кулак щуплого проходит в живот.

Сука, всё-таки один на один не вышли. И начали бить по привычке. Ну что же, это снимает с меня вопросы морали.

Я отскакиваю в сторону и делаю вид, что пытаюсь вдохнуть.

– Знай своё место, дерьмо собачье! – сплюнул щуплый. – На кого ты полез?

– Бьете, как девочки из младшей школы, – прокашлял я в ответ, поднимаясь по стенке. – Даже в первом классе меня били сильнее...

Второй акт должен ещё больше раззадорить ребят. Они должны вкушать кровь и разъяриться ещё больше.

Ннна! Ннна!

Двочка проходит в челюсть, пробив мои "неловко" выставленные блоки. Основная масса ударов приходится на предплечья, но голова мотается как у китайского болванчика. Я отступаю и закрываюсь.

Делаю вид, что вообще сейчас упаду и помру молодой и красивый.

В следующий миг прилетает удар в печень. Если бы не сдвинул слегка корпус, то могло бы неплохо так "встряхнуть ливер". Кулак скользит по ребрам, я подпрыгиваю. Со стороны кажется, что это меня поднимает от удара.

Отшатываюсь и принимаю на грудь прямой удар правой. Потом ещё локтем в ухо. Кулаком в живот. Ещё несколько ударов по ногам, чтобы "отбить тормоза". Со стороны это кажется мощным избиением, но по факту я лишь танцую, получая минимальные повреждения. А вот ребята должны уверовать в свои силы.

– Тебе хватит, мозгляк? Узнал, где твоё место? Или землю будешь жрать? – слышался голос шуплого.

– Может пустить его голым по улице? – спросил Дамиров. – Наденем грязные трусы на голову и погоним по набережно. Пусть его милиция заберет за нарушение общественного порядка. Побегает, размахивая сосиской...

– Я твою сосиску вырву и заставлю сожрать, – промычал я, поднимая руки в стойке.

– Что? Тебе всё мало? – спросил шуплый. – Тогда ннна!

Ну что же, дружок, тебе твои слова ещё аукнутся. Не хотел я быть жестоким, но раз вы так со мной, то ждите аналогичной ответочки.

Я дергаюсь, как будто подо мной разрывается граната. Эх, ещё бы музыку из "Терминатора" для антуража. Упираю одну руку в асфальт, вторую. Поднимаю оскаленное лицо. Мда, явно зрелище ещё то...

Теперь мне нужны все силы, которые остались. Я окончательно выпрямляюсь и мотаю головой вправо, потом влево, разминая шею:

– Ну что, девочки, теперь потанцуем?

Во, и голос подходящий получился – замогильный...

– Так ты живой? Ну, сейчас сдохнешь! – кричит шуплый и бросается на меня.

В руке уже зажат сюрприз для первого нападающего. Горсть земли в перемешку с мелкой щебенкой летит в глаза и шуплый визжит раненным поросенком, зажимая лицо. Он у меня как на ладони. Тут же наношу удар подъемом стопы в пах. Шуплого согнуло перочинным ножиком.

Жалости нет – просто ответная реакция на агрессию.

– Ну что, вы двое... Кто первым будет жрать землю? – вырывается из горла хрип.

Дамиров тут же встает в стойку и прыгает ко мне. Он заносит руку и тут же бросает её вниз, вскрикивая от боли. Я всего лишь на миг опережаю его и бью в ключицу. Выучка не подводит и раздаётся хруст. Обычному человеку трудно пробить ключицу, она скрывается за мышечным корсетом, но я ведь не очень обычный человек. Потому то сразу же обрабатываю вторую ключицу, наношу удар пыром в мениск, коленом в лицо, и против меня остается один противник.

Хлопок ладонями по ушам и потом апперкот. Да так, чтобы тело оторвалось от асфальта и по красивой дуге пролетело до стены. До стены с деревянными поддонами.

Я выдохнул. Три тела лежали на асфальте. На всё про всё пять секунд...

Черт побери, какое же новое тело медленное...

Только один из лежащих стонал, держась за причинное место. Недавно герой, а теперь жертва. Двое других лежали без сознания. Я проверил наличие пульса. Живы.

Ну что же, можно и уходить. Я повернулся и наткнулся на взгляд.

Тот самый скуластый парень, которого я видел возле выхода, наблюдал за мной, стоя возле арки. Он разомкнул руки, которые до этого держал сложенными на груди, а после несколько раз хлопнул и произнес:

– Очень неплохая выучка. Я сначала хотел вмешаться, но потом увидел, что ты притворяешься. Где учился драться?

Я двинулся к нему. Ещё один из компании Дамирова? Вроде непохож.

– Жизнь научила, – ответил я. – Улица сказала, что если драка неизбежна, то нужно всегда бить первым и стоять до конца. Ты всё видел?

– Да, видел. Улица учит как плохому, так и хорошему... Хм, мне кажется, что это не ребята хотели тебя наказать, а ты ребят... Ты же в ЛГУ поступил? Я там тоже учусь, только курсом старше. Владимир, – протянул он руку. – Скажи, сейчас где-нибудь тренируешься?

– Михаил, – пожал я руку, вытерев ладонь перед этим о штаны. – Пока нет, но думаю заняться, когда начну учебу.

– Ну, сначала вас на картошку направят, – ответил Володя. – Вот как вернетесь, так найди меня, я тебя познакомлю с тренером. Нам бы такой боец пригодился...

– Вова! – послышался со стороны девичий голос. – Путин! Ну ты чего? Идешь?

Скуластый обернулся и кивнул:

– Да, сейчас иду. В общем, Михаил, после картошки найди меня. Очень хороший бой, уважаю!

Я кивнул в ответ и невольно растянул губы в улыбке. Так вот откуда Володя мне казался знакомым.

Глава 6

Меня ещё с парадной встретил запах пельменей. Лавровый дух витал в воздухе и вызывал обильное слюноотделение. Пока поднимался на третий этаж, то невольно принохивался возле квартир – откуда вылетает такой чудесный запах?

Не то, чтобы я напросился в гости, всё-таки не до такой степени развилась наглость, но вот порадоваться за соседей мог. Всё-таки хорошие пельмени домашнего приготовления были синонимом слова «праздник». Заводские пельмени холостяки могли жевать хоть каждый день, а вот домашние...

Мнение о заводских пельменях советского периода обычно бывает двойственным: кто-то с нежностью и ностальгией вспоминает "те самые вкусные пельмешки", а кто-то мысленно содрогается при одной только мысли о продукте с непонятным рыхлым фаршем и вязнущем на зубах тесте.

Я помню, что существовал обязательный покупательский ритуал при покупке полуфабрикатных пельменей: пачку нужно было взять в руки и потрясти. Если внутри гремело, то все в порядке – пельмени не слиплись, и при варке не будут выглядеть бесформенным комком.

И все-таки многие любили домашние пельмени: их лепили из смеси говядины и свинины, добавляя щедрой рукой лука, чеснока и перца. И вечером, к ужину, отваривали налепленное днем. То, что оставалось от вареных пельменей, на следующий день разжаривали на сковороде, и не было пельменей вкусней, чем вот эти красавцы, с румяной корочкой!

У меня пельмени советского периода оставили самые приятные воспоминания. Особенно приятными воспоминания были из «Пельменных», когда в пропитанном аромате помещения вставали с отцом за столик и склонялись над тарелками. Когда на тарелочке с золотистой каемочкой валяжно возлежали чуть потемневшие кусочки мяса, стыдливо скрывающиеся за хиджабом из теста. А сверху таяли небольшие комочки масла. Таяли и стремились умаслить как можно большее пространство.

Да, кто-то скажет, что лучше всего они идут со сметаной, кто-то в полной уверенности заявит, что нет лучше майонеза, а третьи будут бить себя в грудь и уверять, что кроме уксуса пельмени ничего другого видеть не должны, но мы с отцом любили с маслом!

И вот, когда насаживаешь такое чудо на вилку, а потом обкусываешь тесто по краю, чтобы потом положить в рот один чудесный кусочек вареного мяса...

Ммм... Сказка!

А кругом люди общаются, разговаривают, делятся новостями. И всё это насыщено светом, теплом и радостью насыщения...

Может поэтому я с теплотой вспоминаю те самые пельмени из «Пельменных», что тогда мы были с отцом и на нас поглядывали с уважением. Всё-таки человек в военной форме – это защитник Отечества. А уважение к нему переходило и на сына.

Всё это я успел продумать пока поднимался к себе в квартиру. И... Какой же сюрприз – аромат пельмешей шел из неё!

Сказать, что я офигел – означало ничего не сказать. Вот и оставляй Зинчукова одного... И ведь запирает дверь, когда уходил. Впрочем, что для такого прожженного агента секретной группировки будет обычный замок, который при желании можно и ногтем открыть, только чуток подманикюрить...

И дверь была заперта, когда я дернул за ручку. Пришлось доставать ключи из кармана.

На кухне весело играла музыка. Звучал голос Муслима Магомаева, который признавался в любви городу Баку. Пел, что нет ему неба роднее и нет земли родней.

Перед столом, белесым от муки, пританцовывал Артем Григорьевич. Конечно, неприлично было видеть начальника в майке-алкоголичке и трико с вытянутыми коленками. Да ещё и с пятерней от муки на причинном месте – явно зачесалось не вовремя.

– Привет, студент! – бравурно крикнул Зинчуков, когда я показался на пороге. – Ты как раз вовремя! Сразу видно человека науки – только запахло едой, так он тут как тут.

– Добрый день, Артем Григорьевич! – кивнул я в ответ. – Откуда пельмешки?

– Из магазина, вестимо! Пока ты на посвящении красовался своей личностью, я туда метнулся мухой. Пстой, а ты такой личностью красовался? Какая-то она неопрятная, местами даже грязная, – Зинчуков показал пальцем на пару пятен на рубашке.

Ну да, драка не обошлась без пятен. Где-то прислонился, а может и вовсе коснулся стенки невзначай.

– Нет, это уже потом... Пришлось провести дискурс. Про реальную жизнь и прочее, – хмыкнул я в ответ.

– Хоть без повреждений?

– У меня да, а рубашка... А рубашка отстирается.

– Про оппонентов не спрашиваю, раз живой и без повреждений. Они хоть живы?

– Да, когда я уходил, то дышали. Да ну, – отмахнулся от внимательного взгляда. – Я всё сделал по уму, сперва чутка поддался, а потом быстро закончил. Всё по психологии...

– А-а-а, расслабил ребят, а потом наkostenял, – хмыкнул Зинчуков. – Подленько, но со вкусом.

– А трое на одного – не подленько?

– Не, ну за это и руки стоило переломать, чтобы научить чести и достоинству. Ладно, скоро будут готовы, – кинул Зинчуков взгляд на плиту, где в кипятке варились крупные пельмени. – Это тебе в благодарность за гостеприимство сготовил.

– Замок взломали?

– Там всё легко, – отмахнулся Зинчуков. – Потом как-нибудь научу. Вот сейфы вскрывать, это трудно, а тут...

Я кивнул и пошел переодеваться. Всё-таки уличная одежда есть уличная. А общаться и разговаривать лучше в домашней обстановке. Майка и трико тоже имелись в моем гардеробе, поэтому вскоре на кухне сидели двое мужчин крайне пролетарского вида и лопали пельмени.

Обошлись без водки, так как Зинчуков только покачал головой, когда я предложил за встречу и за поступление. Остановили выбор на кефире, который тоже оказался в холодильнике. Похоже, что Зинчуков увидел бедственное положение студента и внес свою лепту в виде овощей, фруктов и галантерей.

Мне было не до готовки, так что я привык обходиться малым, но вот Артема Григорьевича такой расклад явно не устраивал.

– Мужчина должен питаться хорошо. А то вдруг война, а ты нежрамши? Поэтому, Мишка-Борька-Сенька, пока я тут, я буду в роли твоей мамы. Заменить не заменю, но полноценную еду готовить буду. Заодно и тебя кое-чему могу научить. Ведь умеющий готовить муж – это же клад для жены! – наставительно проговорил Зинчуков в паузе между пельменями.

– А как надолго вы ко мне? – спросил я.

– На неделю, потом дальше. А что, уже надоел? – хохотнул Зинчуков, отламывая хлеб.

– Да нет, товарищ майор, живи сколько нужно. Я только компанию вряд ли смогу составить. Тут только вот такая проблема – нас на картошку пошлют. Так что вряд ли буду радужным хозяином.

Я уже успел выяснить, что в семидесятые годы в СССР продуктом массового потребления советского человека был картофель, и его уборка была всенародным делом. Колхозам хватало сил только посадить овощи, а убирали их всем миром: студенты, солдаты, рабочие заводов и даже ученые. Если погода была дождливой, то уборка затягивалась до первого снега

и превращалась в настоящую битву за урожай, и власть следила, чтоб в земле не осталось ни одного корнеплода.

Студентам приятней было дремать на лекциях в теплых аудиториях, чем ковыряться в мерзлой земле. Но Партия решила, и Комсомол поехал, иначе – прощай институт!

Такое вот добровольно-принудительное мероприятие. Впрочем, я и в прошлой жизни помогал колхозным объединениям, так что меня картошкой не напугать. Можно потратить немного молодости на благое дело.

– Картошка – это хорошо, – кивнул Зинчуков. – А труд объединяет и сплочивает. Как раз для твоего задания...

Мы как раз доели пельмени, я убрал посуду в умывальник и поставил чайник. Что же, чай не еда, наестся не сможешь. Поэтому я и решил задать интересующие меня вопросы:

– Артем Григорьевич, я вот целое лето провел за учебниками... Может всё-таки скажешь – зачем я поступил в ЛГУ?

Зинчуков вздохнул, потом выдохнул и сказал:

– Конечно скажу, Миш... Давай всё-таки остановимся на этом имени, мне проще будет потом в случае чего не ошибиться?

– Я весь во внимании...

– Давай начну чуточку издалека. В мае шестьдесят восьмого начались бунты по Европе и США. Начали бунтовать как раз студенты. Для нашей разведки и для умных людей было понятно, что подобные бунты в экономически развивающихся странах начались вовсе не из-за невзгод или каких-то ущемлений по физической части. Бунты начались по части моральной составляющей. Студентам «неожиданно» захотелось свободы и поэтому бунты, демонстрации, забастовки прокатились по многим странам.

– Да, слышал, знаю, – кивнул я.

– Причины тут просты, эти самые студенты родились уже после войны, после невзгод и тягот, которые пережило более взрослое поколение. Поэтому молодым людям комфорт и благосостояние было привычным и обыденным. Они не знали, чего стоило всё это сделать. Не знали, зато требовали свобод и прав. И вот, этими желаниями воспользовались в своих целях одни ушлые ребята, которые начали активно мутить воду...

– Не те же, против которых мы всё это время... – я покрутил пальцем в воздухе, намекая на прошедшие дела.

– Может быть и те же. Так вот, чего добились эти самые протесты? Декриминализована гомосексуальность, проведена сексуальная революция, контркультура стала массовым явлением. За всеми этими забастовками и бунтами стояли люди, которые начали вносить в умы людей лживые принципы. И вот, первые признаки похожего поведения обнаружены и в ЛГУ. Пока что только зачатки, но... Кто-то сознательно начинает внедрять вольнодумство и формировать замаскированные ячейки «сексуальных диверсантов» именно в студенческой среде. Это должно стать пробой пера для неизвестной пока что нам организации. Успех затеи неизбежно повлечет за собой новое движение, а молодежь... Молодежь падка на всё новое и неизвестное, поэтому всегда и всюду первой совращали молодых. Они завсегда были движущей силой любых протестов.

– То есть, мне нужно выяснить – кто в студенческой среде готовит протесты?

– Да, тебе нужно выяснить, кто именно этим занимается и от кого получает приказы и указания. Я думаю, что такому молодому, умному и очаровательному молодому человеку не составит труда влипнуть по самое не балуй в очередную историю, – хохотнул Зинчуков. – А поездка на картошку может стать попыткой вербовки от определенных личностей. Так что, Миша, смотри и слушай!

– Ну так студенческие бунты редко бывают кровавыми, – резонно заметил я. – Чего их бояться-то?

– Тут не в крови дело, а в подрыве устоев, традиций и законов. Вот тут где собака порылась. Ладно, наливай чаек, да покрепче, – усмехнулся Зинчуков.

Глава 7

– Антошка, Антошка, пошли копать картошку! – напевал я, косясь на соседа Андрея.

Мы ехали в автобусе ещё с тридцатью такими же счастливицами. Картофелесборщики... Я бренькал на гитаре незатейливый мотивчик, кто-то дремал, кто-то подпевал. Все "добровольцы колхозного труда" разодетые, как дети партизан, то есть в теплых штанах, резиновых и даже в утепленных куртках. Кое-кто фуфайками затарился.

Нет, конечно, были индивидуумы, которых родители ограждали от физических упражнений, так те оделись, как для легкой прогулки по лесу – штаны и олимпийки. Я же знал, что такое весело проведенное время на ветру и вовсе не собирался закалять организм в таких экстремальных условиях. Мне себя беречь нужно было для ответственного поручения.

Что за поручение дал Зинчуков, я уже успел выяснить. Это борьба с диверсиями на мозговом фронте. И вся эта заварушка пошла от записки Андропова шесть лет назад. Тогда, в шестьдесят седьмом году, Юрий Андропов направил в ЦК КПСС записку о целесообразности создания в рамках КГБ самостоятельного управления, которое бы отвечало за борьбу с идеологическими диверсиями.

«Пропагандистские центры, спецслужбы и идеологические диверсанты, приезжающие в СССР, внимательно изучают происходящие в стране социальные процессы и выявляют среду, где можно было бы реализовать свои подрывные замыслы. Ставка делается на создание антисоветских подпольных групп, разжигание националистических тенденций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов. В 1965–1966 гг. органами госбезопасности в ряде республик было вскрыто около 50 националистических групп, в которые входило свыше 500 человек. В Москве, Ленинграде и некоторых других местах разоблачены антисоветские группы, участники которых в так называемых программных документах декларировали идеи политической реставрации», – так обосновывал необходимость создания подразделения по борьбе с идеологическими диверсиями в записке ЦК КПСС Юрий Андропов.

Поэтому и было организовано 5-е Управление КГБ при Совете Министров СССР. Кто-то состоящих в этом Управлении, а также сотрудничающих с ним, считал стукачами, но... Можно было взглянуть на ту же "Штази", что весьма успешно работала в ГДР и где на шестьдесят человек приходился один агент спецслужбы, когда даже в КГБ такое соотношение было один к пятистам девяносто пяти. И без жесткого контроля с одной стороны, тут же возникал жесткий контроль со стороны противоположной.

Это только кажется, что где-то за кордоном свобода и равноправие. На самом же деле в моё время на западном направлении не было никого более ничтожного и ущемленного в своих правах и свободах, чем белый человек традиционной ориентации. Тот самый ариец, за чистоту крови которого так ратовал Гитлер.

И это тоже результат идеологических диверсий. Понемногу, раз за разом менялись приоритеты, подменялись понятия и каноны. Наружу выносилась грязь, которую называли бриллиантом...

Но, это всё будет через пятьдесят лет. А пока... А пока студенты ехали на картошку!

С сельским хозяйством в СССР была интересная история: с одной стороны, оно, несомненно, было в приоритете – потому что нужно было кормить граждан здоровыми и полезными продуктами, с другой – в овощных магазинах, зачастую, стоял ощутимый запах гнили, овощи были мелкими, не первой свежести. Потому и ходили в основном на хозяйственные рынки, где продукты были чуть дороже магазинных, но лучше качеством. Сильно задирать цену не давали, ориентируясь на магазины, иначе можно было пройтись по статье за спекуляцию.

Считается, что такое качество продукции существовало, как раз, благодаря тому что на «на картошку» отправляли людей из города: студентов, служащих – низкоквалифицированный

персонал, который в сельском хозяйстве разбирался слабо и учиться этому не хотел. Ну кому хотелось ради месяца почти бесплатной работы в поле упахиваться до потери пульса?

А мы, первый курс, ехали в основном из-за того, что был непрозрачный намек на прозрачные обстоятельства. Нам на второй день после посвящения было сказано, что на курс набрано больше положенного и после "добровольной помощи колхозному сообществу" возможно будут слегка пересмотрены результаты вступительных экзаменов. То есть вот такая вот мотивация.

После всего того, что нам пришлось вынести, эта мотивация была весьма впечатляющая. Нет, нашлись, конечно, ребята, у которых обнаружили хронические заболевания, не позволяющие выйти в чисто поле. Однако, вся основная масса первокурсников и более старших курсов на десяти автобусах выдвинулись в помощь по уборке урожая.

Так как мне предстояло налаживать контакты с моими сокурсниками, то пришлось вспомнить игру на гитаре. Ведь ничего нет лучше для сближения, чем музыка и песня. А игра на гитаре сродни умению ездить на велосипеде – стоит только сесть за инструмент, как сразу вспоминаются и ноты и баррэ.

А уж как смотрят девчонки на умеющего тренькать... В нашей группе таких оказалось трое, лучше всего получалось у меня. Но у меня за плечами не хилый опыт, ведь порой что делать в холодном блиндаже, кроме как наигрывать на шестиструнке в ожидании приказа идти в атаку?

В автобусе жутко пахло соляжкой и даже осенний ветерок, залетающий в приоткрытые форточки, не справлялся с этим запахом. От такого запаха мутило, да и подпрыгивание на кочках мало способствовало удержанию завтрака в желудке. Только музыка и отвлекала от дурных мыслей и плохого настроения.

– Миш, а есть что-нибудь веселое? А то пока что про картошку думать не хочется, – позвала меня Тамара, сидящая через два ряда рядом с какой-то рыженькой веселушкой.

– Конечно есть! – с улыбкой ответил я. – Знакомый студент научил. Кто знает – может подпевать!

Я ударил по струнам гитары и затянул старую студенческую песню, с которой мы весело катались на картошку. Может быть эта песня родилась даже раньше моего отца, кто знает... Ведь выезды на картошку начались ещё в пятьдесят девятом, а помощь колхозникам была затеяна гораздо раньше.

Как получим диплом, гоп-стоп-дуба,
Махнем в деревню.
Соберем мужиков, гоп-стоп-дуба,
Распашем землю.
Посеем рожь, овес, ячмень, и кукурузу.
И прославим колхоз, гоп-стоп-дуба,
По всему Союзу.

Вокруг заулыбались. Похоже, что эту песню знали, потому что после первого куплета "гоп-стоп-дуба" горланил уже весь автобус.

Мужик на околице сидел, гоп-стоп-дуба,
Ел лаптем кашу.
Заманили его, гоп-стоп-дуба,
В джаз-банду нашу.
Старик стал клёвым чуваком, гоп-стоп-дуба,
Через соломку,
Стал пить коктейль, гоп-стоп-дуба,
Из самогонки!

Я поймал в зеркале заднего вида улыбающееся лицо водителя. Пусть на улице моросит мелкий дождик, пусть дорога не очень хорошая, но зато внутри автобуса лето и задор.

На дороге ты стоишь, гоп-стоп-дуба,
Юбка с разрезом.
И крутишь быка над головой,
За хвост облезлый.
Ах красотуля ты моя, гоп-стоп-дуба,
Тебя люблю я!
Вытри сопли поскорей! Гоп-стоп-дуба,
Дай поцелую!
Мы новым лозунгом своим, гоп-стоп-дуба,
Заменим старый.
И мы колхозу отдадим, гоп-стоп-дуба,
Сто грамм с гектара!

Под конец песни веселый припев шептали даже губы водителя. Вот как песня работать и жить помогает! Дальше мы ехали под разные песни. В общем, дорога длиной в два с половиной часа пролетела незаметно. Мы въехали в деревню Петровское, где нашу команду уже ждали.

А ждали нас два барака с дощатыми кроватями в два яруса и все удобства на улице. Деревенский быт во всей своей красе и произволе. Бездорожье и месиво под ногами. Когда мы высыпали на остановке, то первое, что у меня вырвалось, была фраза:

– Да, это далеко не Рио-де-Жанейро, гоп-стоп-дуба.

Глава 8

Деревня в СССР – уникальное и красивое место, которое по-настоящему вписывалось в историю советской эпохи. Где дышалось свободно и легко, пусть и вмешивались в запахи хвои удушливые мотивы солярки. Красивые зеленые луга, удивительно разнообразные леса, насыщенные цветом поля и сеновалы – все это создавало атмосферу, которая поглощала жителей и гостей деревни. Поглощала настолько, что про деревню пели песни и сочиняли стихи.

И когда поглощала, то уже не замечались неудобства в виде грязных луж, раздолбанных тракторами и КАМАЗами дорог, покосившихся заборов. А наглые куры воспринимались предметами интерьера, а вовсе не вороватыми пройдохами, так и норовившими что-нибудь слямзить.

Малый населенный пункт всегда был местом исключительно крепкой и здоровой общественной жизни. Здесь происходили дискотеки и танцы, где каждый найдет что-то для себя. Кто-то любовь, а кто-то выбитые зубы. Было развлечение, которые занимало всех, а именно работа, работа и ещё раз работа.

Деревня была местом, где в домах царили уют и тепло. На дворах деревенских домов раскинулось немало красивых клумб с горящими хризантемами, астрами, георгинами. Не сомневаюсь, что приятно возвращаться домой после трудовой смены и смотреть, как перед окнами красуются горящие огоньки цветов.

Деревня – это место, где проявляется в полной мере дух народности, советской державы и величия родины. Здесь находишься посреди безграничного простора, где создание и творчество всегда оказывались на первых местах. А пьянство, разгул и безнадёга на вторых...

Где ещё можно почувствовать все национальные ценности и поверья, жить с природой на равных и ощущать всю силу простодушия. Где можно увидеть рубероидные обрывки на крышах сараев, где рядом плющ украшал веками лежащие напиленные чурбачки.

И вот с краю такой красоты и свободы поселилась группа студентов. Мальчики в одном бараке, девочки в другом. Не могу сказать, что тут были все удобства для нормального существования, но...

Порой мне казалось, что поездки на картошку были созданы для того, чтобы мотивировать студентов. Вроде как предупреждение – если не хотите всю жизнь ковыряться в земле на вымораживающем кости ветру, то учитесь и работайте в теплых помещениях.

Нам выдали по матрасу, старому одеялу, линялой подушке. В общем, минимальные затраты для максимального эффекта. По бараку гуляли сквозняки, поэтому риск заболеть появился почти что сразу. Я опытным взглядом определил места проникновения ветра и вечером предложил дружно их замазать. Позаботиться о своем здоровье.

Надо ли говорить – с каким энтузиазмом встретили моё предложение?

– Тебе больше всего надо? Вот бери и делай, – почти сразу же ответил Дамиров. – А я сюда приехал на обязательку, меня и так работой загрузят через край.

– Да, не для того маманя ягодку рожала, чтобы всякие бараки замазывать, – в тон ему отозвался Сергей Розальев, сухопарый пацан со старательно выращиваемой бородкой.

– Так мы же ни для кого-то, а для себя, – ответил я жестко. – Или вы хотите воспаление легких тут отхватить?

– Ничего я делать не буду. Я приехал на картошку – значит, буду собирать картошку. А благоустройством и прочей херней пусть другие занимаются, – пробурчал Дамиров с такими издевательскими интонациями, что захотелось его ещё раз приложить.

Дамиров бухнулся на своё место и закрыл лицо газетой, выразив тем самым своё отношение к моему предложению. Другие студенты прятали глаза, когда я обводил помещение взглядом.

Я шлепнул рукой по щеке. Черное пятно раздавленного комара осталось на ладони. Гул от этих созданий напоминал отдаленные отголоски аэродрома.

– Да нас же тут заживо сожрут! Пацаны, неужели вам настолько лень поднять жопу, что готовы погибнуть от нехватки крови в расцвете лет?

– А я с головой одеялкой накроюсь, они ко мне и не пролезут, – донеслось из-под газетки Дамирова.

– И много ли выпьют эти мелкие засранцы? – хмыкнул ему в тон Розальев.

Мда, трудиться на благо колхоза никому не хотелось. Но вот как донести до поколения, которое через двадцать лет будет с упоением разрушать СССР, что они стараются вовсе не для кого-то, а для себя?

Я посмотрел на Андрея. Тот хмуро посмотрел в ответ и поднялся:

– Что надо делать, Миха?

– Тут лес неподалеку. Там нужно мха надрать. Я глину поищу, опилок по дворам поспрашиваю. В общем, до вечера управимся.

– Я с тобой, – с места поднялся ещё один парень из нашей группы, белобрысый и скуластый. – Пошли, вместе поищем.

– И меня возьмите! А то суки сожрали всего, – встал черноглазый и остроносый Витька Парамонов. – Да и подмерз чего-то, а так хоть подвигаюсь...

– Давайте-давайте, а мы посмотрим на ваши старания, – выдал Розальев со смешком.

– Иди в жопу, – посоветовал я ему. – Если помогать не хочешь, тогда закрой рот и не мешай.

– Чего ты сказал? – подскочил он с насупленными бровями.

– А что слышал, – ответил ему за меня Андрей. – Или тебе уши прочистить?

Сергей смерил его взглядом, но выступать больше не осмелился. Из-под дамировской газетки не было никакого шевеления. А без поддержки подобные экземпляры выступать не могут. Они потявкают-потявкают, но укусить без понукания со стороны побоятся.

Выйдя из барака, мы нашли два ведра. Одно без ручки, а второе с пробитым дном. Кто-то оставил их неподалеку от дороги. Явно не нашел применения, а выбросить было жалко... Ну что же, нам это тоже пригодится.

Витька и Андрюха отправились за мхом, а мы с белобрысым Колькой пошли по деревне, здороваясь с каждым встречным-поперечным и спрашивая по поводу опилок. Деревенские жители были разные. Кто-то отвечал на приветствие, кто-то с хмурым взглядом проходил мимо. Лишь пятый встречный, мужичок с красным носом, ответил, что опилки у него есть, но просто так он их не отдаст.

– Ребята, опилки нынче самый что ни на есть ходовой материал. Их это... много где используют... Они на вес золота порою ценятся, – ответил нам мужичок на просьбу набрать ведро. – Так что за «чекушку» я наберу вам полведерка. За поллитру целое насыплю.

Ага, вот и развод подоспел. Почему-то деревенские уверены, что у городских денег куры не клюют. А уж у студентов и вовсе карманы набиты червонцами.

– Имя, фамилия, должность в колхозе? – отчеканил я тем самым голосом, с каким разговаривал с оборзевшими новобранцами в своё время. – Как секретарь комитета комсомола я доведу до своего руководства вашу просьбу и обозначу её, как антисоветскую спекуляцию! А это статья сродни продаже долларов!

Прибавив к этому небольшую гипнотическую манипуляцию, я заставил вымогателя поверить в мои слова.

Надо было видеть, как с лица мужичка отхлынула кровь. Он явно не ожидал подобного напора, потому что глупо заморгал, а потом что-то залепетал про малых детишек и жену-инвалида...

– Мне всё это неважно! – продолжил я. – Если на благо и восстановление нашей Родины человек пожалел ведро опилок, то стоит ли жалеть его? Как вы думаете, товарищ с низкой моральной ответственностью?

– Да мне чего? Мне ведра что ль жалко? Да пошли-пошли, я аж три ведра насыплю! Было бы из-за чего шум-гам поднимать, – с виноватой улыбкой залебезил мужчина.

Я сурово сдвинул брови и кивнул, мол, ведите. Он чуть ли не побежал впереди, оглядываясь, как собачонка на прогулке. Мы с Колькой двинулись за ним. Николай поглядывал на меня, а я в ответ подмигнул – так надо. Колька едва заметно кивнул.

Вскоре мы пришли к старенькому дому. Жена мужчины вышла нам навстречу, худенькая, рано постаревшая, с тоской в глазах. Она с подозрением посмотрела на нас – каких ещё собутыльников привел её муженек.

– Здравствуйте, гражданка, – приветствовал я с широкой улыбкой и протянутой рукой. – Ваш муж предложил нам помощь и обещал дать ведро опилок.

– Пить не будете? – с недоверием спросила она.

– Да что ты говоришь? – напустился на неё муж. – Товарищи из города приехали. Сам секретарь парткому перед тобой, а ты вон чего... пить!

– Да я чего? Я ничего, – стушевалась она. – Раз надо, так надо. Забирайте, конечно... У нас всё одно они без дела валяются...

За домом нашелся холмик под листом рваного рубероида, где лежали опилки. Мы с Николаем нагребли ведро, а потом я спросил у хозяина:

– А глина тут у вас где водится?

– Да везде, – развел он руками с улыбкой, но, глядя на моё серьезное лицо, тут же поправился: – За северной околицей есть овраг. Оттуда можно набрать.

Мы поблагодарили за опилки, после чего отправились назад. Андрей с Виктором к тому времени уже натаскали мха из леса. Глина нашлась там, где и указывал мужчина.

Услышав про то, что мы хотим делать, к нам присоединились и девчонки. Ну, а глядя на то, как слабый пол таскает мох, не выдержали и сомневающиеся ребята. В дело благоустройства временного жилья вписались почти все. Двое из нашего барака не стали помогать. Я думаю, что не стоит указывать – кто именно отлынивал от работы.

Дружно взявшись за дело, мы к вечеру забили щели ядерной смесью из глины, мха и опилок. Да, пришлось ещё пару раз потревожить мужчину с красным носом, но мне показалось, что он был рад отдать все опилки, лишь бы угодить «секретарю парткома».

Когда уже заканчивали, то к баракам подъехал замызганный «УАЗик». Из него вышел мужчина с седыми волосами. Минуты две наблюдал за нашей работой, а потом покачал головой и обратился к Тамаре, так как она стояла ближе всего:

– Это кто дал указание? Вроде как ваше руководство должно только завтра подъехать.

– А это мы сами, – ответила Тамара. – Условия не понравились, вот и решили исправить.

– Толково, – кивнул он. – Неужто сами решили?

– Ну, с подачи Михаила, это он предложил.

– Что за Михаил? – спросил мужчин.

– А вон он, – показала Тамара и крикнула мне: – Миш, подойди, тут с тобой познакомиться хотят.

Я неторопливо подошел:

– Добрый вечер, Михаил!

– Здравствуйте, Сергей Степанович, – мужчина пожал протянутую руку. – Местный председатель. Смотрю, ремонтируете сарайки...

– Ремонтируем, – кивнул я в ответ. – Приводим здание в более-менее нормальный вид.

– Да, не успели подлатать, наш промах, – кивнул председатель. – Сами понимаете – постоянно в поле, постоянно в работе.

– Не понимаю, – покачал я головой. – Вы же людей принимаете. Людей, а не животных. Или вы своих гостей тоже в стойло загоняете?

Надо было видеть, как вздыбились усы у Сергея Степановича. Он моментально покраснел, а потом с еле сдерживаемым недовольством проговорил:

– Я же сказал, что у нас все на работе. Вы сами завтра убедитесь, что работы неупророт. Да и не гостевать вас государство направило, а помогать с уборкой урожая!

– Не повышайте голос, уважаемый Сергей Степанович, – ответил я спокойно. – С работой мы поможем, но и вы в ответ помогите нам с питанием и размещением. Все ваши действия будут отражены в отчете, поданном нашему ректорату. Так что в ваших же интересах в следующем году снова обрести помощников в лице добровольческих студенческих отрядов.

– Посмотрим, – хмыкнул в ответ председатель. – А то говорить-то вы все мастера, а вот как до дела доходит...

– Убили! – раздался издадека истошный женский крик. – Убили-и-и!!!

Глава 9

Какой ещё крик может привлечь большее внимание? Может, только "Пожар!!! Пожар!!!"

От такого крика внимание приковывается к кричащему само собой. И возникают разные чувства, от желания убежать и спрятаться до желания тут же кинуться на помощь и спасти.

К нам бежала растрепанная женщина – жена того самого мужчины, у которого днем брали опилки.

Я посмотрел на председателя колхоза – как он среагирует? Тот остался невозмутим, как скала на морском берегу. Похоже, что подобные крики были не редкостью и не таким уж большим происшествием в деревне.

– Что опять случилось, Николавна? – со вздохом произнес председатель, когда женщина поравнялась с нами.

– Сеньку убили! Вот как есть убили! – покричала женщина. – Да чего же вы стоите? Фельдшера надо!

– Прямо насмерть убили? Или ещё дрыгается? – поинтересовался председатель.

– Всё лицо разбито, еле дышит. Ой, что делается-то, что делается-а-а, – провыла Николаевна. – Да куда же участковый-то смотри-и-ит?

Председатель взглянул на меня чуть виновато, как смотрят хозяева на гостей, когда ребёнок расшалился и начал капризничать. Взгляд из серии "ну вы же понимаете..."

Я понимал, поэтому кивнул в ответ.

– Чего там, Николавна? – спросил Сергей Степанович.

– Дык это, выпивал мой с Женькой Маркотом, а потом поругались на чем свет стоит. Драка, за ножи схватились, а Маркот же вон какой здоровый... Ну и насовал моему... Всё лицо разбил, аж на стены юшка брызнула. Я пришла, так Женька вон из избы. А мой лежит и еле дышит. Ох, убили! Убили-и-и!

– Ну что, поехали. Пока до фельдшера доберемся – подохнуть может, – Сергей Степанович рывкнул на воющую женщину. – Да не ори ты! Если дышит, то и выкарабкаться может! Садись в машину!

– А мне можно с вами? – спросил я.

Вот даже сам от себя такого не ожидал. С чего бы это ляпнул? Какой мне интерес пялиться на разбитое хлебало Сеньки? Только из-за нескольких ведер с опилками?

– Садись, коль не шутишь. Знаешь чего по медицинской части? – спросил председатель.

– Приходилось штудировать книжки, да и тетка брала с собой на операции, – кивнул я на всякий случай. – Сначала готовился в мед поступать, а потом уговорили на юридический. Раны зашивал, кровь останавливал, так что могу и пригодиться.

– Поехали! – кивнул Сергей Степанович.

Я махнул рукой Андрею:

– Я скоро. Доделывайте тут без меня.

– Давай! – махнул тот в ответ.

Деревня небольшая, до нужной избы долетели быстро. По пути я успел спросить женщину:

– Семен часто пьет?

Она взглянула подозрительно – не из милиции ли я часом, а потом решила, что можно сказать и правду:

– Да бывает, – опустила глаза женщина.

– Чего «бывает»? Николавна, так уж и говори, что пьет без продыху, – буркнул председатель.

Женщина только тяжело вздохнула.

– Частенько закладывает. А как закладывает, так и руки распускает, – жестко продолжил председатель. – А она всё жалеет, выгораживает...

Женщина вздохнула ещё раз и отвернулась к окну. Специально отвернулась, чтобы мы не видели её слез.

– А торпеду вшивать не пробовали? Или лечить?

– Да кто у нас этим будет заниматься? Николаевна, что ли? Так она с утра до ночи на поле. И Сенька тоже. Вот только если она приползает и падает от усталости, то он уже на пару часов раньше готовенький приползает. Мужик-то рукастый, и по плотницкому делу шарит, вот если бы не пил ещё...

– Я слово заветное знаю, – сказал я. – Если вы дадите добро, то я ему шепну и он пить перестанет.

Насколько мне известно, в СССР ближе к концу семидесятых стали использовать гипноз для лечения алкоголизма. До этого вшивали «торпеду» или лечили в санаториях, прокапывая по неделям. А вот что до «заветного словца», так этим только бабки-знахарки занимались, да и то редко помогало.

– Слово заветное? Хм... Слышь, Николавна, если парнишка твоему суженому-ряженому слово заветное скажет, а тот пить перестанет, то что тогда сделаешь? – повернулся заинтересованный председатель.

– Да я тогда в церкви всем святым свечек наставлю, – покачала головой женщина. – Я и так уже не знаю, каким богам молиться, чтобы убрал из нашей жизни эту отраву проклятушую.

– А вот это ты перестань. Ты же партийная! Как же ты после этого в церкви свечки будешь ставить? Тут либо крестик сымай, либо партбилет на стол!

Женщина из-под бровей взглянула на председателя, потом перевела взгляд на меня:

– Я благодарю... Я... я нашим девчонкам в столовке скажу, чтобы вам сытнее накладывали... Я... я...

– Этого будет достаточно, – кивнул я. – Денег не надо, а вот личный состав должен быть накормлен.

Сергей Степанович с усмешкой взглянул на меня:

– Смотрю, ты за своих горазд жопу рвать.

– Мы же студенты, – пожал я плечами. – Народ небогатый, потом наголодаемся, так что хоть тут слегка отъедемся.

– Ну, на многое не рассчитывайте. Как поработаете, так и ложками помахаете.

– Разберемся, – хмыкнул я в ответ.

Шофер переглянулся с председателем. Тот поджал губы, мол, во какой сурьезный человек с нами едет.

Вот и нужная изба показалась. «Убитый» уже лежал на диване и тихонько постанывал. Я проверил пульс, осмотрел на предмет колотых ран. Ничего не было. Да, нос сломан, но это дело поправимое. Ещё не было правого верхнего клыка, над бровью рассечение. В общем, кровью измазлся, но по факту ничего серьезного.

В комнате небогато. Мебель старенькая, лакированная поверхность на шкафу местами облупилась, стыдливо показывая желтоватую древесину. В серванте не хватало одного зеркала. Да и посуда там стояла скудно, скорее для вида, чем просто для сохранности. На полах вязаные дорожки-половицы. Телевизор под салфеткой, на экране слой пыли.

Всё это я успел заметить, пока наблюдал «пострадавшего».

– Зря только панику поднимали, – сказал я, когда перестал ощупывать лежащего. – Ничего существенного. Через неделю будет как новенький.

Увидев меня, Семен взглянул на жену:

– А этот чего здесь? Опять за опилками? Степаныч, а ты как здесь?

– Как я? А я посмотреть на тебя явился. Запомнить, так сказать, чтобы потом по ночам снился, – покачал головой председатель.

– Не дожدهшься. Я не баба, чтобы тебе по ночам являться, – буркнул лежащий, а потом посмотрел на жену. – Машка! Там чего осталось? Налей мне там... Для обезболивающего. Вишь, я это... как его... лицо пострадавшее за моральные принципы.

– За аморальные принципы, – покачал головой председатель. – Когда же ты только напьешься, Сенька?

– На свои пью, чай не на казенные, – огрызнулся Семен. – Степаныч, поздно уже меня воспитывать. Раньше надо было.

– Мне нужно ведро и рюмка водки, – сказал я, поднимаясь.

– Ты чего, с ним что ли? – сощурился председатель.

– И чтобы все вышли отсюда. Минут пять нам дайте. И ни в коем случае не входите. Чтобы вы не услышали – не входите, – проговорил я серьезно.

Похоже, что моим словам поверили. Семен полупьяно следил за мной, красные глаза неотрывно следовали за моими руками.

Марья принесла то, что я просил. Я кивнул, а потом жестом попросил их на выход.

– Ну это, за сотку спасибо, братан! – сказал Семён и попытался встать, у него не получилось и он откинулся обратно. – Чой-то штормит седня... Не подашь?

– Подам, – с улыбкой ответил я. – Конечно подам, держи.

Я взял пустое ведро в одну руку, налитую стопку в другую. Подойдя к дивану, протянул рюмку. Как только Семен вытянул дрожащую руку, чтобы взять, так я сходу надел ему на голову ведро и что есть силы шарахнул по доньшку.

Раздался громкий звук, затем такой же громкий мат Семена, не ожидавшего от меня подобной подлости.

Я тут же скинул ведро и зажал сломанный нос пальцами. Семен завыл, а я начал говорить «заветные слова». Сам смысл слов не так уж был и важен, скорее важно было оглушение звуком, а потом резкая боль. Нос я вправил, проговаривая спокойным голосом формулу, которой научил в алтайском селении старик по фамилии Корнев. К нему тоже привозили кодироваться самых безнадежных, таким образом он и убеждал людей не бухать по черному. И как он мне похвастался – после его лечения срывов не было.

Формула проста. Она основана на человеческом страхе перед смертью. Перед пустой и бестолковой смертью, которая наступит не из-за старости или болезни, а из-за человеческой ошибки. И этой ошибкой станет глоток спиртосодержащего напитка.

Это только кажется, что человек цивилизованный давно ни во что не верит. Нет, на самом деле человек цивилизованный ушел недалеко от того аборигена, которому шаман сказал, что он умрет через два дня, и совершенно здоровый абориген умирает. Даже в моё время верят в экстрасенсов и предсказателей, что уж говорить о семидесятих годах СССР?

И в то же время, я описал то, что без спиртного Семен обретет то, что он ищет – человеческое счастье и покой. Что дом – полная чаша будет для него отрадой. Что дети встанут на ноги и не станут в школе прятать глаза, когда их спросят про отца. Что к этому он должен стремиться, а вовсе не прожигать жизнь впустую, гробя себя и жизни окружающих.

Боль, оглушение, шок, слова, записанные на подкорку и апогеем представления стала стопка водки, выплеснутая в лицо Семена.

Эх, как же водка защипала, попав в необработанные раны...

Он завыл, задергался, а потом... Потом его начало тошнить.

Ведро пригодилось. Я держал Семёна, не давая захлебнуться, не давая удариться или вырваться.

Терапия закончилась, когда последние судороги прекратили содрогать щуплое тело в попытках вывернуться наизнанку. После этого я легким нажатием на точку за ухом погрузил Семёна в сон. Дыхание человека выровнялось, он уснул.

Похоже, что за долгое время он впервые уснул спокойно, без привычных «фронтальных грамм».

Из ведра несло омерзительно, но я взял его и вынес из комнаты, выставил за порог. На кухне сидела заплаканная жена и председатель с шофером. Они вопросительно уставились на меня.

– Теперь пусть спит. В общем, нос я вправил. Мозг тоже. Пить давайте только воду. Если будет тошнить первые разы, то пусть – организм избавляется от шлаков. Мария Николаевна, всё будет хорошо. Вы только пару дней продержитесь, а дальше будет легче.

Она посмотрела на председателя. Тот буркнул:

– Ну раз такое дело, то бери два выходных. Закрою я их, чего уж там. Главное, чтобы помогло.

– Поможет, – уверенно сказал я. – Промашки быть не может. «Слово заветное»... оно сильное...

– Я... Я скажу девчонкам... Я... – Мария не смогла сдержать слез и закрыла глаза руками, всхлипывая и сотрясаясь плечами.

– Да ладно, чего ты? Всё же нормально будет, – погладил её по плечу председатель, а потом посмотрел на меня. – Поехали, подкину до жилья, дохтур...

Я кивнул в ответ. Мы оставили Марию ухаживать за мужем, а сами поехали к ребятам. Возле барачных стоял доцент нашей кафедры Анатолий Александрович Собчак. Рядом с ним находились Дамиров и Розальев. Они что-то говорили доценту, показывая на бараки.

Когда мы с председателем вылезли из машины, то Анатолий Александрович первым делом поздоровался с Сергеем Степановичем. На меня он посмотрел с легкой неприязнью и проговорил:

– Студент Орлов, пока ваши товарищи занимаются улучшением жилищных условий, вы раскатываете на машине? Весьма неосмотрительно с вашей стороны. Нет, наведение связей в подшефном хозяйстве – это хорошо, но в первую очередь нужно заботиться о коллективе. Всё-таки хорошо, что есть такие сознательные студенты, как Дамиров и Розальев, которые переживают за своих однокурсников. Вот, товарищ председатель, эти двое ребят самостоятельно организовались и сподвигли остальных помочь вам. Надеюсь, что вы их сделаете бригадирами на весь уборочный срок.

Глава 10

Подобная несправедливость могла бы меня ошарашить, но я уже был хорошо знаком с подковерными игрищами и интригами, в которых порой ловили крупную рыбку. Для того, чтобы занять местечко получше и потеплее, многие были готовы сделать и не такую пакость.

Однако, со мной такое не пройдет!

Как мне кажется, Розальев и Дамиров ждали, что я буду оправдываться, а они стали бы накидывать всякое-разное сверху, но я в ответ широко улыбнулся и бодро отрапортовал:

– Анатолий Александрович, за время вашего отсутствия мною были задействованы все силы студенческого движения. Знакомство с местными жителями состоялось и было воспринято положительно. Мосты наведены, личный состав настроен по боевому. Мы готовы к выходу на картошку!

– Ну, завел дуракаваляние, – не удержался от высказывания Дамиров. – Я же вам говорил, Анатолий Александрович...

Доцент нахмурился, глядя на меня. В ответ пришлось вытянуться во фрунт и поедать его глазами, выражая тем самым самое что ни на есть обожание! Я видел, что Сергей Степанович усмехнулся в усы, а потом председатель протянул руку Собчаку:

– Вы у них старший? Тогда я бы взял бригадиром вот этого, черноволосого. Этих двух я даже и близко не видел на ремонте барачков, а вот Мишка суетнулся и не только помещения облагородил, но ещё и насчет питания озаботился. Так что, если после учебы надумает куда идти дальше, то я бы такого в начальники поставил. Мишка не языком мелет, а делами умеет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.